

ОЛЕГ РЯЗАНСКИЙ
ПРОТИВ МАМАЯ
ДОРОГА НА КУЛИКОВО ПОЛЕ

Виктор ПОРОТНИКОВ

Русь изначальная

Виктор Поротников

**Олег Рязанский против Мамаю.
Дорога на Куликово поле**

«Яуза»

2014

Поротников В. П.

Олег Рязанский против Мамаю. Дорога на Куликово поле /
В. П. Поротников — «Яуза», 2014 — (Русь изначальная)

Куликовская битва могла закончиться совсем иначе, если бы к Мамаевым полчищам успели присоединиться его союзники – рязанский князь Олег и литовский Ягайло, – однако их войска так и не дошли до Куликова поля, позволив Дмитрию Донскому разгромить Мамаю «один на один». **НОВЫЙ РОМАН** от автора бестселлеров «Побоище князя Игоря» и «Куликовская битва» доказывает: это опоздание не было случайным – на словах будучи союзником Орды, Олег Рязанский тайно помогал московскому князю, не только извещая его обо всех передвижениях татар, но и убедив своего шурина Ягайлу не помогать Мамаю, тем самым предопределив победу Руси. Как Олег спас свое княжество, оказавшееся «между молотом и наковальней»? Что за тайная война полыхала на южных рубежах Русской Земли? Кто одержал верх в этих «секретных спецоперациях» XIV века? И как Сергию Радонежскому удалось примирить Москву с Рязанью, женив сына Олега на дочери Дмитрия Донского?

© Поротников В. П., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Глава шестая	30
Глава седьмая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Виктор Поротников

Олег Рязанский против Мамаю.

Дорога на Куликово поле

Часть первая

Глава первая

Эмир Бухторма

– Давно ты не бывал в Сарае, князь. Давно! – промолвил Бухторма, склонившись над круглым изящным столом на четырех изогнутых ножках. Белые холеные пальцы эмира, унизанные перстнями с драгоценными камнями, с ловким проворством выкладывали на стол золотые монеты и драгоценности из резной деревянной шкатулки. – Сколько же лет мы с тобой не виделись, князь?

Подняв голову, увенчанную круглой темно-зеленой шапочкой, Бухторма взглянул на гостя с Руси своими раскосыми черными глазами.

– Как убили хана Кильдибека, с той поры я в Сарае не появлялся, – ответил Олег, расположившийся в удобном кресле с подлокотниками. – Вот и считай, друже, сколько лет мы не виделись.

– Получается, больше десяти лет, – мгновение подумав, проговорил Бухторма. Он тяжело вздохнул, вновь наклонившись над золотом, разложенным на столе. – Аллах свидетель, это были ужасные годы! Мне чудом удалось уцелеть в этой кровавой резне, что царила в Сарае в это жуткое десятилетие. С момента гибели хана Кильдибека и до сей поры в Сарае сменилось больше десятка ханов. От постоянных грабежей и смут население Сарая уменьшилось наполовину. Иноземные купцы теперь стараются обходить Сарай стороной. Купеческие караваны, идущие из Крыма и с Кавказа, следуют на Русь и в Литву по Днепру или по Дону.

– Возле донской луки фряги и греки перетаскивают свои суда в Волгу и идут на Русь волжским речным путем, – заметил Олег. – Я видел это своими глазами, когда мои ладьи проходили мимо этого волока, двигаясь от Булгара к Сараю.

– В том-то и дело, что купеческие караваны переправляются с Дона на Волгу выше по течению, двигаясь на Увек и Булгар, оставляя Сарай в стороне, – безрадостно промолвил Бухторма. – Города Увек и Бездеж находятся под властью Мамаю, как и все правобережье Волги до самого Дона. Урус-хан, нынешний властитель Сарая, держит под своей рукой левобережье Волги. Чтобы завладеть донскими степями, Урус-хану нужно победить Мамаю, а это в ближайшее время невозможно.

– Вот как! – Олег удивленно приподнял брови. – А я-то думал, что Урус-хан – могучий воитель. Ведь он же изгнал из Ас-Тархана Хаджи-Черкеса, отнял Сарай у Кари-хана. За спиной Урус-хана находится Синяя Орда, его наследственная вотчина. А велико ли воинство у Мамаю, который не смог разбить Хаджи-Черкеса и был выбит из Сарая тем же Кари-ханом. Мамаю стремится удержать Золотую Орду от развала, но у него это явно не получается.

– Все так, князь. – Бухторма покачал своей узкой бородкой. – И все же Мамаю очень опасный противник для Урус-хана. Мамаю провозгласил ханом Золотой Орды некоего Абдуллаха, дальнего родственника покойного хана Джанибека. Золотоордынские эмиры и беки признали на курултае Абдуллаха своим ханом. Урус-хан для них чужак, ведь он – Чингисид из

Синей Орды. Урус-хан привел с собой своих беков и темников, которые заняли все доходные государственные должности в Золотой Орде, отняли у здешней знати немало скота и пастбищ, захватили в Сарае дома и усадьбы сторонников Абдуллаха. Мамай сплотил вокруг Абдуллаха почти всю золотоордынскую знать, которая на время забыла свою неприязнь к Мамаю и свои извечные склоки ради изгнания Урус-хана из Сарая. Война между Мамаем и Урус-ханом случится очень скоро. И война эта будет не на жизнь, а на смерть!

– Почто же ты не примкнул к Мамаю, друг мой? – Олег пытливо заглянул в узкие глаза Бухтормы. – Почто предпочел поступить на службу к Урус-хану?

– Мамай убил моего брата, вырезал всю его семью, – помедлив, ответил Бухторма. Его круглое одутловатое лицо помрачнело. – Такое нельзя забыть и невозможно простить! Мамай пожелал, чтобы мой брат присягнул ему на верность. Но мой брат предпочел присягнуть хану Алибеку, отцу Кари-хана. Мамай – безродный выскочка, женатый на женщине из рода Чингисхана. Алибек же был высокородным Чингисидом. Потому-то он и занял ханский трон в Сарае.

– Кто же убил Алибека? Уж не Мамай ли? – спросил Олег, который слышал, что Алибек недолго был ханом Золотой Орды.

– Алибека убил его сын Кари-хан, – сказал Бухторма. – Когда это случилось, моего брата не было в Сарае. Он кочевал со своим куренем в поволжских степях. Там-то его и настигли нукеры Мамаю. – Бухторма подавил тягостный вздох и продолжил: – Когда Урус-хан захватил Сарай, убив Кари-хана, то я решил примкнуть к нему, чтобы с его помощью расквитаться с Мамаем за смерть своего брата. Урус-хан приблизил меня к себе, сделав своим советником. Я ведь родился и вырос в Сарае, поэтому мне хорошо известна местная податная и административная система. Я также знаю все родственные связи местных знатных родов: кто от кого зависит, кто с кем в дружбе иль во вражде...

Со слов Бухтормы выходило, что в окружении Урус-хана подвизается немало золотоордынских вельмож и помимо него. Среди этих людей были те, у кого имелся зуб на Мамаю, по примеру Бухтормы, а также было немало таких, кто не желал признавать ханом Абдуллаха, ставленника Мамаю. Урус-хан сидит на троне в Сарае вот уже третий год, несмотря на все попытки Мамаю изгнать его обратно за реку Яик, где простираются земли Синей Орды. Так долго удерживать за собой Сарай не удавалось еще никому из предшественников Урус-хана за последние четырнадцать лет, с той поры как был убит хан Бердибек, внук Узбека. При хане Узбеке Золотая Орда достигла своего наивысшего могущества и расцвета. Однако уже в правление Узбекова внука Золотая Орда стала клониться к упадку, вследствие неудачных войн с иранскими ильханами и Литвой, а также по причине морового поветрия, занесенного на берега Дона и Волги купеческими караванами из Египта.

Десятилетняя кровавая смута, начавшаяся в Золотой Орде после смерти хана Бердибека, привела к настоящей чехарде претендентов на ханский трон. Царевичи всех мастей из Золотой и Синей Орды сменяли один другого на престоле; кому-то удавалось побыть ханом полгода, кому-то – один месяц, кому-то – две недели, а кому-то всего три дня. Неизменно побеждал тот, у кого было больше воинов или богаче казна. С ослаблением центральной власти Золотая Орда стала дробиться на независимые от Сарая улусы, во главе которых стояли новоявленные местные ханы. Так, возникли удельные владения в Булгаре, в Ас-Тархане и в Наровчате. Причем, владетель Ас-Тархана Хаджи-Черкес даже захватил на некоторое время Сарай, выбив оттуда Чингисида Хасана, который ушел в Булгар и закрепился там.

С Хаджи-Черкесом воевал и Мамай, стремившийся утвердить в Сарае своего ставленника Абдуллаха. Однако Хаджи-Черкес разбил Мамаю. Покуда Мамай собирался с силами, Хаджи-Черкеса выбил из Сарая эмир Алибек, почти на полгода занявший ханский трон. Хаджи-Черкес перебрался обратно в Ас-Тархан, но оттуда его изгнал Урус-хан, который выступил с большим войском из заяицких степей с намерением объединить под своей властью всю Золотую Орду. Захватив Сарай, Урус-хан объявил себя властелином Золотой Орды, несмотря

на то, что его власть распространялась лишь на левобережье Волги и ее дельту. Правобережье Волги, донские степи и Крым находились во владении Мамаю. Видя, как твердо Урусхан удерживает Сарай и Ас-Тархан, как уверенно он противостоит Мамаю, часть золотоордынской знати перешла на его сторону, устав от междоусобиц и неразберихи. Многие улусные эмиры и беки понимали, что Мамай ведет двойную игру. Прикрываясь именем хана Абдуллаха, Мамай стремится сам захватить бразды власти в Золотой Орде. Не будучи Чингисидом и не имея законного права на ханский трон, Мамай намеренно держит подле себя безвольного хана-марионетку. Кланяясь Абдуллаху, золотоордынская знать, по сути дела, склоняет голову перед Мамаем.

Рязанского князя Олега Ивановича и татарского эмира Бухторму связывало давнее знакомство. Рано потеряв отца, Олег в юности несколько лет был заложником в Орде по милости своих двоюродных дядей. Пребывание в почетной неволе не прошло даром для любознательного Олега. Живя в Сарае, Олег выучил татарский, греческий и персидский языки. Он свел знакомство со многими знатными ордынцами – своими сверстниками, среди которых оказался и Бухторма, отец которого был главным сборщиком налогов при дворе хана Джанибека, сына Узбека. Подружился Олег и с царевичем Бердибеком, сыном Джанибека. Благодаря этой дружбе Олег женился на девушке из «золотого Батыева рода» и, вернувшись на Русь, сел князем в Рязани наперекор своим двоюродным дядьям. Отпуская Олега в его отчий край, хан Джанибек дал ему татарское войско. С помощью этого золотоордынского войска семнадцатилетний Олег одолел своих дядей, не желавших видеть его рязанским князем.

Покуда были живы хан Джанибек и его сын Бердибек, Олег неизменно получал с их стороны военную помощь, поскольку являлся для них родственником. Но с началом кровавой смуты в Золотой Орде и с гибелью почти всех представителей «золотого Батыева рода» по мужской линии Олег уже не мог рассчитывать на татарскую конницу в своих распрях с соседними князьями. К тому же во время великого мора умерла и татарская жена Олега, оставив ему двух дочерей.

Великое княжество Рязанское постепенно распадалось на уделы, тяготевшие либо к Москве, либо к Нижнему Новгороду. Кто-то из удельных князей пока еще признает над собой власть Олега, а кто-то уже не желает ему повиноваться после тяжелого поражения рязанских полков от московской рати в сече при Скорнице. После этого разгрома Олег на какое-то время лишился рязанского стола, найдя пристанище в Казани у мурзы Салахмира, женатого на его сестре. С превеликим трудом Олегу удалось вернуть себе рязанский стол, благодаря поддержке муромского князя и казанских татар. Отвоевав обратно Рязань, Олег пленил пронского князя Владимира Ярославича, который выступил против него на стороне москвитян и с их же помощью утвердился на рязанском столе. Олег посадил Владимира Ярославича в темницу, где тот и умер, уморив себя голодом.

Московский князь Дмитрий Иванович, узнав о смерти Владимира Ярославича, пригрозил Олегу войной. Вражду с Рязанью молодой московский князь унаследовал от своего покойного отца Ивана Красного, который неоднократно сталкивался с Олегом на поле битвы. Яблоком раздора между Москвой и Рязанью стал приокский городок Лопасня, несколько раз переходивший из рук в руки и в конце концов оставшийся у москвитян, хотя изначально это было исконно рязанское владение.

От немедленного похода на Рязань московского князя отвлекли литовцы, вторгшиеся в его владения. Литовский князь Ольгерд с недавних пор доводился родственником Олегу, отдав ему в жены свою дочь Евфросинью. Это неожиданное вмешательство Ольгерда спасло Олега от очередного неизбежного поражения, поскольку к войне с Москвой он был совершенно не готов. Москвитянам удалось разбить под Любутском сторожевой полк литовцев, после чего две враждебные рати простояли в бездействии три дня, разделенные глубоким оврагом. Наконец, Ольгерд предложил Дмитрию обменяться перемирными грамотами и разойтись по домам.

Московский князь принял мирное предложение Ольгерда. Уступчивость Дмитрия в переговорах с Ольгердом объяснялась тем, что у него за спиной была враждебная Тверь, где тоже всюду гремели оружием.

Разочарованный нерешительностью Ольгерда, который в былые годы дважды осаждал Москву, Олег отправился в Сарай в надежде обрести сильного союзника в лице Урус-хана.

Своими тревогами по поводу все возрастающего могущества Москвы Олег поделился с эмиром Бухтормой, в доме которого он остановился на постой вместе со своей свитой. Зная алчную тягу Бухтормы к золоту и деньгам, Олег первым делом вручил ему шкатулку с золотыми монетами и ожерельями.

– Конечно, я замолвлю за тебя слово перед Урус-ханом, князь, – сказал Бухторма Олегу, сложив золото обратно в шкатулку. – После полуденного намаза я как раз должен прибыть во дворец, чтобы поведать Урус-хану о пошлинных сборах за этот месяц. Но и тебе тоже придется постараться, чтобы расположить к себе Урус-хана, его жен и сыновей. Надеюсь, у тебя есть еще подарки? – Бухторма чуть понизил голос, бросив на Олега многозначительный взгляд. – Без богатых даров к Урус-хану и его родне лучше не соваться. Без подарков с тобой и разговаривать никто не станет! Имей это в виду, князь.

– Не беспокойся, друже, – усмехнулся Олег. – Я прибыл в Сарай не с пустыми руками. Мне ведомо, что всякая дверца здесь отворяется лишь золотым ключом.

* * *

Дом эмира Бухтормы находился в Гулистане, обширном пригороде Сарая, где было много тенистых садов, обнесенных глинобитными дувалами. Роскошные усадьбы татарской знати здесь соседствовали с домами купцов и неказистыми хижинами местных ремесленников. Квартал бедноты был отделен от квартала богатеев широким каналом, берущим начало из близлежащего озера Кыз и впадающего в полноводный волжский рукав Ахтубу, на берегу которого раскинулась столица Золотой Орды.

Сами золотоордынцы называли свой стольный град Сарай ал-Джедид или Сарай-Берке. Этот город был заложен ханом Берке, Батыевым братом. Первоначальная столица Золотой Орды находилась ниже по течению Ахтубы. Этот город был построен Батием после его возвращения из похода в западные страны, поэтому он получил название Сарай-Бату. Сильные весенние разливы Ахтубы несколько раз затопляли Сарай-Бату, поэтому при хане Узбеке столица была перенесена в Сарай-Берке.

Узбек построил в новой столице роскошный дворец из сырцового кирпича, мощную каменную цитадель на холме, несколько огромных мечетей с голубыми куполами и высокими минаретами, много караван-сараев и гостиниц, а также начальную духовную школу-мектеп при главной соборной мечети Баб аль-Мамдеб. Площади и центральные улицы Сарая-Берке при Узбеке и его сыновьях были вымощены каменными плитами. В новой столице был проложен водопровод, по которому во дворец и в дома знати поступала вода из озера Кыз; была налажена система слива нечистот в подземные трубы.

Прежняя столица Сарай-Бату довольно быстро пришла в упадок, хотя там продолжали жить несколько тысяч ремесленников из числа оседлых кипчаков. После смерти Узбека татары стали называть свою изначальную столицу – Иски-Юрт, что в переводе означает Старый Дом.

Расставшись с эмиром Бухтормой, Олег Иванович удалился в гостевые покои дома, где его ожидали бояре Брусило и Громобой. Оба забросали князя нетерпеливыми вопросами. Можно ли положиться на Бухторму? Не изменилось ли его отношение к Олегу после столь долгой разлуки с ним? Посодействует ли Бухторма в налаживании дружбы между Олегом и Урус-ханом? Прочно ли сидит Урус-хан на золотоордынском троне?

– Не суетитесь раньше времени, бояре, – ворчливо бросил своим приближенным Олег, снимая с себя роскошную шелковую епанчу, подаренную ему Бухтормой. – Гости мы тут незваные, но весьма желанные. Бухторма заинтересован в моем сближении с Урус-ханом, поэтому он непременно станет лить воду на мою мельницу. Урус-хан враждебен Мамаю, смерти которого желает и Бухторма. Московский князь пришел с поклоном к Мамаю, пообещав ему платить дань. Урус-хану будет лестно сознавать, что рязанский князь предпочел поклониться ему, а не Мамаю. Коль я помогу Урус-хану одолеть Мамаю, то и Урус-хан со своей стороны пособит мне сокрушить московского князя.

– Когда же ты пойдешь на встречу с Урус-ханом, княже? – поинтересовался русоголовый длиннородый Брусило.

Олег подошел к окну с закругленным верхом и распахнул двойные застекленные створки. С высоты второго яруса ему открылся вид на широкий внутренний двор, обнесенный глинобитной стеной. По двору сновали слуги в длинных полосатых халатах, занятые своими делами. За гребнем глинобитного дувала виднелись желтые плоские кровли соседних домов, многие из которых были двух- и трехъярусные. Дома стояли тесно друг к другу, узкие улицы между ними напоминали извилистые затененные ущелья. Тут и там среди желтых плоских крыш шелестели темно-зеленой листвой на ветру могучие раскидистые карагачи и стройные пирамидальные тополя.

Вдалеке маячила белая громада каменной мечети с синим куполом, с двумя круглыми башнями-минаретами, почти вплотную примыкавшими к ней.

С одного из минаретов далеко разносился, подхваченный теплым ветром, заунывно-протяжный глас азанчи, созывающий правоверных мусульман на полуденную молитву. Согласно учению пророка Мухаммеда, мусульманам надлежало молиться пять раз в день. Перед каждой молитвой-азаном мулла-азанчи был обязан подниматься на вершину минарета, чтобы объявить всем верующим в Аллаха о наступлении очередной священной паузы в делах.

– После полуденного намаза Бухторма отправится в ханский дворец и сообщит о моем прибытии в Сарай Урус-хану, – глядя в окно, промолвил Олег. – Полагаю, ежели не сегодня вечером, так завтра поутру Урус-хан пригласит меня в свои чертоги.

– Зря ты затеял сие дело, княже, – проворчал прямодушный Громобой. – Хорошо, коль одолеет Урус-хан Мамаю, а ежели не одолеет и сбежит обратно в Синюю Орду? Мамаю ведь тогда отыграется на Рязани, как пить дать!

– Не каркай, воевода! – огрызнулся Олег.

Беки и нойоны, пришедшие в Сарай из Синеи Орды, относились к Бухторме с откровенным пренебрежением, как и ко всем прочим золотоордынским вельможам, присягнувшим на верность Урус-хану. Это объяснялось тем, что все военачальники и нукеры Урус-хана были прекрасными наездниками и стрелками из лука, все они мастерски владели саблей и умело кидали аркан. Урус-хан сам был воином до мозга костей, поэтому в его войске и в ближайшем окружении мало кто умел читать и писать, зато всякий крепко сидел в седле и был искусен во владении оружием.

Золотоордынская знать со времен Узбека в значительной степени отошла от старинного кочевнического быта, сопряженного со многими трудностями и лишениями. Вельможи из свиты Узбека и его сыновей привыкли к удобствам городской жизни, к ваннам с горячей водой, к фонтанам из чистой проточной воды, к роскошным одеяниям, к досугу, наполненному музыкой, пирами, танцами полуобнаженных рабынь, чтением мудрых книг и рассуждениями на философские темы. Эти люди не утратили свой родной татарский язык, хотя многие из них свободно говорили на арабском и персидском наречиях, они по-прежнему довольно ловко вскакивали в седло и умели стрелять из лука. Но при этом мало кто из них мог укротить необъезженного степного скакуна, набросить аркан на шею врагу и метко поразить цель стре-

лой. Все эти навыки приобретались только в кочевье. Переселившись в города, золотоордынская знать утратила былую неприхотливость и воинственность.

В Синей Орде тамошняя знать еще не отошла от сурового родо-племенного уклада, проводя большую часть года в кочевьях, а не в городах. По этой причине войско Урус-хана было более сплоченным и неприхотливым, что и позволило ему отбить у золотоордынских чингизидов Ас-Тархан и Сарай.

Для управления левобережными поволжскими землями Золотой Орды Урус-хану приходилось волей-неволей использовать уже отлаженную местную налоговую систему и местное самоуправление в куренях и аилах. Для этого Урус-хану потребовалось привлечь к себе на службу людей из здешних знатных родов, хорошо знакомых с административными и налоговыми делами. Военачальники Урус-хана умели только грабить и отбирать, заниматься упорядочиванием податных поступлений, улаживанием споров между купцами и ремесленниками они не могли. Для этого Урус-хану были нужны такие люди, как эмир Бухторма.

Глава вторая

Дурджахан-хатун

У эмира Бухтормы было три жены. Старшую из этих трех жен звали Дурджахан-хатун. Эта властная женщина была родом из кипчакского племени кунун. Бухторма сам был наполовину кипчаком: его отец был татарин, а мать происходила из кипчакского племени джерсан. Золотоордынские татары давным-давно до такой степени смешались с приволжскими и донскими кипчаками, что говорили ныне на здешнем степном наречии, совершенно позабыв монгольский язык, на котором изъяснялись их прапрадеды, пришедшие на эти земли под стягами хана Бату, внука Чингисхана.

Донских и поволжских кипчаков русичи называли половцами, обратив внимание на песочно-желтоватый цвет их волос. Половий на древнерусском наречии означает «желтый». Русь и половецкие кочевые племена до прихода монголов соседствовали более ста лет. И это соседство далеко не всегда было мирным. Орда Бату-хана, захватившая донские и приволжские равнины до самого Джурджанского моря и Кавказского хребта, поглотила многочисленных кипчаков, которые со временем стали основной боевой силой золотоордынского войска. К моменту смерти хана Батю на землях его улуса оставалось всего четыре тысячи монгольских семей. Основная масса монголов откочевала на восток к озеру Балхаш и к реке Иртыш в более привычные для них места обитания.

Олег и Дурджахан-хатун были давно знакомы. Свадьба Бухтормы и Дурджахан-хатун свершилась в ту пору, когда Олег был заложником в орде. Будучи приятелем Бухтормы, Олег присутствовал на этом торжестве. С той поры минуло двадцать пять лет. Ныне Олегу было сорок лет. Дурджахан-хатун была на два года его старше. Бухторме уже перевалило за сорок пять.

Едва Бухторма отбыл в ханский дворец, как Дурджахан-хатун пригласила Олега к себе на женскую половину. От нее пришла немолодая молчаливая служанка, которая и привела Олега в женские покои, расположенные на первом этаже дома.

Олег и Дурджахан-хатун встретились в небольшом помещении, узкие окна которого выходили на небольшой фруктовый сад.

Олегу Дурджахан-хатун запомнилась двадцатилетней девушкой, прекрасной лицом и телом, такой она была при их последней встрече перед долгой разлукой. Ныне красота Дурджахан-хатун заметно поблекла и увяла, на ее лице залегли морщины, круглые щеки слегка обвисли, некогда прекрасная белая шея обрела широкие мясистые складки, которые не могли скрыть драгоценные ожерелья, уложенные в несколько рядов. У Олега возникло подозрение, что Дурджахан-хатун мучает какой-то застарелый недуг, из-за этого она и выглядит несколько расплывшей и обрюзгшей. Жены некоторых рязанских бояр по возрасту чуть старше Дурджахан-хатун, но при этом они замечательно выглядят, поскольку совершенно здоровы.

Беседуя с Олегом, Дурджахан-хатун полулежала на софе, опираясь на мягкие круглые подушки. На ней было длинное цветастое платье с широким подолом из гладкой шелковой ткани, из-под которого выглядывал нижний край белой исподней туники. Ее голову с тщательно прибранными волосами венчала конусообразная шапочка из тонкого белого войлока, покрытая полупрозрачной кисеей. Другая полупрозрачная накидка окутывала плечи и полные руки Дурджахан-хатун, сквозь нее поблескивали золотые браслеты и ожерелья из жемчуга и камней-самоцветов.

Супруга Бухтормы с довольной улыбкой приняла подарок Олега – драгоценное очелье с серебряными подвесками, на которых переливались крошечные зеленые изумруды.

Олег хоть и поразился в душе тому, как безжалостно время обошлось с красавицей Дурджахан-хатун, тем не менее внешне он ничем не выдал своего внутреннего разочарования.

Дурджахан-хатун была все так же сметлива и любопытна, ей было известно все, что творится в Сарае и в ханском дворце, куда она тоже имела доступ, как и ее муж. Жены Урус-хана ценили Дурджахан-хатун как интересную собеседницу и опытную советчицу, поэтому часто приглашали ее к себе в гости.

Олег стал расспрашивать Дурджахан-хатун про Урус-хана и его ближайших советников, желая понять, что они за люди и сможет ли он опереться на них в своем противостоянии с Москвой.

– Урус-хан чрезвычайно спесив, жесток и подозрителен, служить ему – это все равно что ходить по лезвию меча, – откровенно поведала Олегу Дурджахан-хатун. – Урус-хан никчемный правитель, но отменный воин. Даже если Урус-хан победит Мамаю и приберет к рукам всю Золотую Орду, добром это не кончится. Нойоны и темники Урус-хана все время поглядывают на восток, где простираются земли Синей Орды. Там у них остались семьи, родовые пастбища и стада, их рабы и данники. Туда они хотят вернуться и сделают это при первой же возможности. Урус-хан не робкого десятка, в сражениях он не прячется за спинами своих нукеров в отличие от Мамаю, поэтому вряд ли умрет от старости. Как только Урус-хан сложит голову в сече, его войско без промедления уйдет с берегов Волги за реку Яик к своим родным кочевьям.

– А ежели Урус-хан убьет Мамаю, что будет тогда? – спросил Олег, не скрывая того, что он желает именно такого развития событий.

– На какое-то время Урус-хан объединит Золотую Орду под своей властью, только и всего, – пожалала плечами Дурджахан-хатун. – Однако торжество Урус-хана не будет долгим, рано или поздно его убьют или сыновья Мамаю, или кто-то из ближайших родственников, или очередной царевич-оглан, собравший орду из разного степного отребья. Золотая Орда корчится в агонии, и спасти ее от окончательного развала может только правитель вроде хана Узбека. А где такого взять? – Дурджахан-хатун досадливо махнула рукой, на которой сверкнули золотые перстни и браслеты. – Если хан Джанибек, сын Узбека, еще годился в великие правители по образу своего мышления и по делам своим, то все его преемники вплоть до Урус-хана – это просто сборище тупых ничтожеств и алчных мерзавцев!

– Неужели и Кильдибек, сын Джанибека, был ни на что не годен? – выразил удивление Олег, двенадцать лет тому назад приезжавший ненадолго в Сарай, чтобы поздравить Кильдибека с восшествием на ханский трон. – Помнится, Кильдибек в двух сражениях разбил Мамаю и вышвырнул из Сарая его ставленника Абдуллаха. Я подумал тогда, что Кильдибек воистину достойный преемник своего знаменитого отца и прославленного деда.

– К сожалению, гора родила мыш, – с грустной улыбкой заметила Дурджахан-хатун. – Кильдибека зарезали его же приближенные, посчитав, что молодой хан взял себе слишком много власти и чересчур помыкает ими. Кильдибек был храбрым воителем, но при этом он совершенно не разбирался в людях, слишком доверяя своему окружению. Хан Узбек таким не был, в нем отвага сочеталась с хитростью и умением предугадывать поступки любого из вельмож. Ведь и против Узбека не раз возникали заговоры, однако он всегда успевал первым нанести удар по заговорщикам. Потому-то Узбек и просидел на ханском троне целых тридцать лет.

Не скрывая своей симпатии к Олегу, Дурджахан-хатун пообещала ему со своей стороны замолвить за него словечко перед старшей женой Урус-хана. По обычаю своих предков, Урус-хан взял с собой своих жен и гарем, отправляясь в трудный и далекий поход к берегам Волги.

Вернувшийся из ханского дворца Бухторма сообщил Олегу, что Урус-хан готов встретиться с ним завтра после утренней молитвы. Олег не стал скрывать от Бухтормы, что он повидался в его отсутствие с Дурджахан-хатун, что инициатива в этом была с ее стороны. При этом Олег не удержался и спросил у Бухтормы, все ли в порядке со здоровьем у его старшей жены. Не терзает ли Дурджахан-хатун какой-нибудь недуг?

– Пристрастилась моя красавица к вину, все горе свое никак залить не может, – с тяжелым вздохом проговорил Бухторма. – Когда от рук убийц погиб хан Кильдибек, тогда же были убиты и два моих сына, рожденные Дурджахан-хатун. Сыны мои были ханскими нукерами. Я потому и взял себе еще двух жен, чтобы они родили мне новых сыновей, ведь Дурджахан-хатун рожать больше не может.

– Прости, друже. – Олег мягко приобнял Бухторму за плечи. – Сочувствую твоему горю. И все же надо как-то отучить Дурджахан-хатун от пристрастия к хмельному питью. К хорошему это не приведет.

Бухторма согласно закивал головой в круглой тюбетейке, по его печальному лицу было видно, что он полностью сознает это, но ничего не может поделать. Властная и упрямая Дурджахан-хатун привыкла все делать по-своему. С ним она в последнее время совершенно не считается.

Глава третья

Урус-хан

Было время, когда Золотая Орда повелевала Хорезмом и Синей Ордой, но время это ушло. Сразу после смерти хана Узбека Хорезм и Синяя Орда вышли из-под власти золотоордынских ханов. В Хорезме воцарилась династия из монгольского племени кунграт, смешанного с местными тюрками. Основателем династии стал Хусейн Суфи. Дабы нагляднее подтвердить свою независимость от Золотой Орды, Хусейн Суфи стал чеканить серебряные деньги со своим изображением. Хорезмийские динары и дирхемы были очень хорошего качества, поэтому пользовались в Средней Азии большим спросом, нежели монеты из Золотой Орды, изготовлявшиеся из серебра с примесями олова и меди.

Несколько царевичей-Чингисидов из Синей Орды в свое время пытались утвердиться на золотоордынском троне, все они доводились родственниками Урус-хану. Все эти царевичи не имели прав на ханский трон в Синей Орде, поскольку являлись младшими родичами по отношению к старшей ханской ветви. Царевичей-Чингисидов монголы называли огланами.

Урус-хану запомнился его родной дядя Мубарек-Ходжа, который первым высказал мысль, что Синей Орде не нужно отделяться от Золотой Орды подобно Хорезму. По мнению Мубарека-Ходжи, двум татарским ордам надлежало объединиться в одно мощное государство.

И столицей этого татарского государства должен стать волжский город Сарай, поскольку там сходятся торговые пути с запада и с востока. Сыгнак, столица Синей Орды, не может быть объединительным центром, так как все оживленные караванные дороги проложены далеко в стороне от него.

Мубарек-Ходжа сумел ненадолго укрепиться в Сарае, но в конце концов его изгнали оттуда местные эмиры и беки. Чимтай, брат Мубарека-Ходжи, воспользовался его отсутствием и захватил ханский трон в Сыгнаке. После долгой междоусобной распри Мубарек-Ходжа был вынужден смириться с потерей ханской власти в Синей Орде. Он ушел в земли ойратов и сгинул там. Власть в Синей Орде прочно взял в свои руки хан Чимтай, отец Урус-хана. Чимтай был ярким противником слияния золотоордынских владений с Синей Ордой. Чимтай был уверен, что распад Золотой Орды неизбежен и заниматься ее спасением ханам Кок-Орды совсем не пристало, поскольку им нужно заботиться о целостности своих владений, на которые уже покушаются Хорезм и Моголистан.

Урус-хан был иного мнения, поэтому, заняв ханский трон в Синей Орде после смерти отца, он сразу начал готовить свое войско к походу на Волгу. Этот поход приходилось несколько раз откладывать по разным причинам: то Урус-хану приходилось усмирять мангышлакских туркмен, то отражать набеги ойратов, то заниматься уговорами подвластных ему эмиров и беков, которые совсем не рвались завоевывать земли Золотой Орды. Кочевую знать Синей Орды беспокоило усиление хромоногого эмира Тимура из монгольского племени барлас, захватившего Самарканд и еще несколько городов в Мавераннахре, образовавшего там сильное государство. Взяв Ташкент, Тимур пытался также захватить Отрар, который находился во владениях Синей Орды.

И все-таки Урус-хану удалось склонить своих приближенных к большому походу на Волгу, пообещав им несметную добычу.

...В это июльское утро во дворце собрался ханский диван, так у татар и тюрок назывался государственный совет. До Урус-хана дошли слухи о том, что у излучины Дона Мамай собрал несметное войско с намерением двинуться на Сарай. Урус-хан призвал своих советников, дабы обсудить с ними, что предпринять: ожидать ли Мамаю у стен Сарая или без промедления выступить к Дону.

– Мамаево войско, без сомнения, имеет численный перевес над нашими туменами, – молвил Урус-хан, – но по выучке и боевому духу наше воинство превосходит Мамаеву орду. К тому же под стягами Мамаю собралось немало пеших отрядов, а наша рать вся конная. Таким образом, на нашей стороне быстрота и свобода маневра. – Урус-хан оглядел скуластые лица своих приближенных и добавил: – Что скажете, уважаемые? Жду вашего совета.

Из шести членов ханского дивана пятеро старались не смотреть в глаза Урус-хану. Они глядели куда-то вниз или вбок, но только не на него. Лишь горячий Усманбек высказался первым, не пряча своих темных раскосых глаз.

– Повелитель, – сказал Усманбек, – стены Сарая проломлены в нескольких местах, четыре крепостные башни почти полностью обвалились. Город совершенно не готов к вражеской осаде, поэтому благоразумнее всего дать сражение Мамаю в донских степях. Таково мое мнение.

Урус-хан одобрительно кивнул, улыбнувшись Усманбеку. Иного ответа от него хан и не ожидал. Война и опасности – это родная стихия для храбреца Усманбека, долгий мир и бездействие его угнетают. Урус-хан и сам в душе склонялся к тому, чтобы двинуться навстречу Мамаю, а не дожидаться его в Сарае. Многочисленности врагов Урус-хан никогда не боялся. В степи побеждают быстрота и смелость, а не бесчисленность рати, любил повторять он.

Хмурое молчание пяти других темников насторожило Урус-хана. Неужели его верные соратники оробели? Неужели они не верят в победу над Мамаем?

– Великий хан, – заговорил эмир Темиркул, озабоченно сдвинув свои густые изогнутые брови, – мне кажется, что в данной ситуации для нас благоразумнее всего сдать Мамаю Сарай без боя и вернуться в наши родные кочевья. Эта война с Мамаем слишком затянулась. Мы уже трижды разбивали Мамаю, но всякий раз он набирал новое войско и продолжал грозить нам, не подпуская наши отряды ни к Булгару, ни к Дону. Золотоордынские походные эмиры и местные кипчакские беки в большинстве своем поддерживают Мамаю. Вот почему Мамаю так быстро восполняет свои потери. Наше войско вот уже третий год воюет с Мамаем, не получая никаких подкреплений. Я полагаю, эту бессмысленную войну пора заканчивать.

Урус-хан, восседающий на небольшом возвышении, нервно заерзал на расстеленном поверх ковров белом войлоке. На его широком загорелом лице с приплюснутым носом и тонкими черными усами появилась гримаса еле сдерживаемого гнева.

– И это говорит сахиб-диван, глава моего совета! – сердито выкрикнул Урус-хан. – Какой ты темник после таких слов, Темиркул! Ты же лопочешь, как трусливая бабенка! Стыдись, Темиркул!..

Выплескивая свой гнев на Темиркула, посмевшегося заговорить о том, о чем прочие эмиры лишь шептались украдкой, Урус-хан надеялся заткнуть рот тем из своих советников, кто тоже хотел уйти из Сарая в родные заяицкие степи.

Однако голоса сторонников Темиркула все-таки прозвучали. Видимо, эмиры действовали по сговору друг с другом, понимая, что против их единодушия Урус-хан будет бессилён.

– Темиркул трижды прав, повелитель, – промолвил Едукей, самый старый из эмиров, прошедший через многие битвы и походы. У него не было правого глаза и не хватало двух пальцев на правой руке. – Наше пребывание в Сарае лишено всякого смысла. Мы не нашли здесь ни больших богатств, ни процветающей торговли. Местное население платит нам налоги и пошлины, но эти выплаты очень мизерные, поскольку весь этот край разорен долгой междоусобицей. Ни мордва, ни русские князья не привозят дань в Сарай, как они это делали при хане Узбеке. И виновен в этом Мамаю, орда которого перекрыла все водные и сухопутные пути к Сараю. Торговый путь до Москвы и Новгорода тоже находится под надзором у Мамаю. Вот и выходит, что истинным хозяином Золотой Орды является Мамаю, а мы лишь тешим себя пустыми иллюзиями, удерживая Сарай в своих руках.

– Великий хан, мы здесь чужаки, – вставил эмир Сейдербек. – Нам лучше оставить эти опустошенные земли Мамаю и вернуться в Синюю Орду.

«Глупцы и слепцы! – мысленно негодовал Урус-хан, слушая своих советников. – Они огорчены, что мало добычи взяли в Ас-Тархане и Сарае. Устали от войны с Мамаем, по дому соскучились, как малые дети! Во времена Батгя монголы уходили от родных кочевий в такие дали, какие им и не снились, проходили через безводные раскаленные пески, через солончаковые пустоши, карабкались по горным утесам – и никто не роптал. Никто не жаловался! Ныне монголы измельчали и обленились, монгольские темники ныне всякую войну измеряют выгодой, словно торговцы на рынке. Ну, как создать обширную державу с такими малодушными людьми!»

Понимая, что обвинениями в трусости ему не сподвигнуть своих темников на новое решительное столкновение с Мамаем, Урус-хан завел речь о том, что окончательный разгром Мамаевой орды разом принесет им всем не только славу, но и несметные богатства.

– Разбив Мамаю и захватив средневожские города, мы оседлаем волжский и донской торговые пути, войдем в Крым и на мордовские земли, – разглагольствовал Урус-хан, вскочив с белой кошмы и возбужденно размахивая руками. При этом он метался из стороны в сторону, так что широкие полы его длинного малинового чапана разлетались в стороны, а его желтые сафьяновые сапоги с загнутыми носками опрокидывали и с хрустом давили фарфоровые чашки с зеленым чаем, расставленные на ковре подле сидящих полукругом эмиров. – Русские и мордовские князья прибегут к нам с дарами, когда узнают о разгроме Мамаю. Богатств на Руси много, и они рекой потекут в Сарай, когда с Мамаем будет покончено. Клянусь Аллахом, так и будет! Русские князья понимают, что Мамаю никакой не Чингисид, поэтому и не платят ему дань. А я – Чингисид! – Урус-хан горделиво ударил себя кулаком в грудь. – И на Руси знают об этом! Не зря же в прошлое лето ко мне приезжал с дарами карачевский князь Василий. А ныне вот в Сарае объявился рязанский князь Олег Иванович. Кстати, сегодня я изъявил готовность принять рязанского князя в тронном зале. – Урус-хан надменно приподнял подбородок, глянув на своих советников, как орел из поднебесья. – И вы, уважаемые, можете попридти присутствовать при этом.

Эмиры, сидевшие на желто-голубом бухарском ковре, сложив ноги калачиком, стали оживленно переглядываться между собой. Это известие их очень обрадовало. Они имели возможность видеть карачевского князя в прошлом году. Князь Василий не произвел на эмиров благоприятного впечатления. Это был совершенно заурядный человек, хотя и довольно сносно изъяснявшийся по-татарски, из захудалого княжества, затерянного в лесах близ верховьев реки Десны. О Рязанском княжестве советники Урус-хана были весьма наслышаны от сарайских купцов и русских невольников. Рязань являлась соперницей Москвы в распрах за приокские земли, а это уже говорило о многом. Взглянуть на рязанского князя Олега, который открыто противостоит Москве, пожелали все темники Урус-хана.

* * *

Войдя в просторный прохладный зал с высокими закругленными сводами, с тонкими изящными колоннами, установленными попарно возле стенных ниш, в которых горели масляные светильники, Олег невольно замедлил шаг, окинув быстрым взглядом богатое убранство тронного чертога. Здесь почти ничего не изменилось с той поры, как Олег покинул Сарай семнадцатилетним юношей, чтобы возглавить удел своего отца. Под ногами у Олега был все тот же пол, выложенный небольшими плитами из белого и желтого мрамора. От дверей к тронному возвышению ведет дорожка из темно-вишневых глазурованных плиток, такими же плитками выложено само возвышение, где когда-то стоял трон из чистого золота, изготовленный в Китае. На этом роскошном троне некогда восседал грозный хан Узбек и его сын Джанибек, оказавший

немало милостей Олегу. Ныне золотого трона на возвышении-шахнишине не было. Вместо него там стоит кресло из меди с невысокой спинкой и витыми подлокотниками в виде змей.

В кресле расположился Урус-хан, облаченный в длинный пурпурный халат, желтые сапоги, красную шапку с высоким верхом и загнутыми полями. Позади ханского кресла застыли два плечистых стражника в блестящих шлемах и кольчугах, с саблями при бедре, с короткими копьями в руках. Справа и слева от возвышения на стульях и табуретах расположились ханские приближенные: эмиры, имамы и беки.

Уверенным неторопливым шагом Олег прошествовал от высоких дверей, створы которых распахнули перед ним ханские нукеры, до возвышения в глубине зала, где восседал Урус-хан. За Олегом, чуть приотстав, следовала его свита с дарами в руках. Не доходя до ступенчатого возвышения трех шагов, Олег остановился и отвесил низкий поклон, прижав правую руку к груди, а левую опустив вниз.

– Прими мои подарки, великий хан, – распрямившись, сказал по-татарски Олег. – Слава о твоих победах дошла и до Рязани.

Олеговы слуги расторопно разложили на ковре связки мехов, чешуйчатый панцирь-куяк, островерхий ребристый шлем с тонкой насечкой, кинжалы, украшенные чернью, подносы с россыпями серебряных монет и различными украшениями из золота и драгоценных камней.

Толстые губы Урус-хана расплылись в самодовольной улыбке. Взгляд его узких настороженных глаз враз потеплел.

– И я о тебе слышан, князь, – промолвил Урус-хан, пригладив неторопливым жестом свою жидкую черную бородку. – Это же ты разбил орду хана Тагая под Шишевским лесом. Тагай тогда еле ноги унес, потеряв войско и обоз.

– Было дело, великий хан, – покачал головой Олег. – Незваных гостей я не люблю и встречаю их мечами и копьями. Тагай изгоном прошелся по моему княжеству, за что и поплатился.

– Слышал я и о том, что ты давно с Москвой враждуешь, князь, – продолжил Урус-хан. – Что можешь сказать про московского князя Дмитрия, каков он воитель? И правда ли, что Дмитрий дружбу с Мамаем водит?

– Дмитрий хоть и молод, но ум имеет предрезостный, – ответил Олег. – Желает Дмитрий стать самодержцем на Руси, чтоб все князья великие и удельные на поклон к нему ездили. Непокорных его воле князей Дмитрий уделов лишает, под стражей держит. Сильные княжества Дмитрий пытается дробить, слабые княжества московляне силой захватывают. Вряд ли Дмитрий дружит с Мамаем, хотя на поклон к нему он ездил и получил ярлык на Владимирское княжение из его рук. Скорее всего Дмитрий просто-напросто откупается от Мамаю небольшой ежегодной данью, дабы тот не тревожил Московское княжество набегами.

– Почто же Мамаю мирится с заносчивостью Дмитрия? – фыркнул Урус-хан. – Почто Мамаю не проучит Дмитрия как следует? Неужели Мамаю устраивают подачки московского князя?

– Мамаю ныне не до Москвы, ведь он уже третий год воюет с тобой, великий хан, – промолвил Олег. – Дмитрию же эта распря между тобой и Мамаем токмо в радость. Я не удивлюсь, если Дмитрий в скором времени вообще перестанет платить дань Мамаю.

– Дмитрий не только дерзок, но и коварен, – задумчиво произнес Урус-хан. – Сарайские купцы рассказывают, что в Москву стекаются товары с Востока и Запада, что казна московского князя ломится от сокровищ. Будто бы Дмитрий окружил свой град крепкой белокаменной стеной, так ли это?

– Так, великий хан, – кивнул Олег.

– Похоже, Дмитрий готовится к войне с Золотой Ордой, – сказал Урус-хан, нервно теребя свою куцую бородку. Он помолчал и обратился к Олегу с вопросом: – Сколько городов платят тебе дань, князь?

– Двенадцать, – ответил Олег. При этом он покривил душой, включив в это число как ныне существующие города Рязанского княжества, так и те грады, которые лежат в руинах после многочисленных татарских вторжений.

– А много ли городов платят дань московскому князю? – опять спросил Урус-хан.

– Тридцать, великий хан, – сказал Олег, опять намеренно погрешив против истины, поскольку на самом деле зависимых от Москвы городов было гораздо больше.

Не хотелось Олегу выглядеть слабым и незначительным князем на фоне могущества великого московского князя.

– Стало быть, получив ярлык от Мамаю, князь Дмитрий заимел право собирать дань со всей Руси, что он и делает, – тем же задумчивым тоном промолвил Урус-хан. – При этом Дмитрий выплачивает Мамаю жалкие крохи, основную часть дани складывая в свою казну. Мамаю понимает это, но ничего не может поделать, поскольку вот уже который год стремится вырвать у меня Сарай. – Урус-хан быстро взглянул на Олега. – А ты, князь, тоже платишь дань московскому князю? И велика ли твоя доля?

– Нет, великий хан, Рязань никогда не ходила в данниках у Москвы, – вымолвил Олег, горделиво приподняв подбородок. – Рязанские князья всегда сами отвозили дань в Орду.

– Значит, ты отдельно от Москвы возишь дань Мамаю, так? – Урус-хан сверлил Олега прямым пристальным взглядом. – Молви смело, князь. Мне ведомо, что ты тоже получил из рук Мамаю ярлык на рязанский стол. Это было четыре года тому назад.

– Это было пять зим тому назад, – сделал поправку Олег. – Сараем тогда владел Хаджи-Черкес, который требовал от меня покорности и дани. Я не верил в то, что Хаджи-Черкес надолго утвердился в Сарае, что он вообще Чингисид, поэтому предпочел пойти на поклон к Мамаю.

– Что ж, князь, – с одобрением в голосе промолвил Урус-хан, – в ту пору ты все верно рассчитал и обдумал. Мамаю в скором времени изгнал Хаджи-Черкеса из Сарая, но и сам удержался в Сарае ненадолго. Его выбил из Сарая Алибек, чистокровный Чингисид. Алибека убил его сын Кари-хан, который, в свою очередь, пал от рук моих нукеров. – Развалившись в кресле, Урус-хан нагнал на себя важный вид. – Я решил прекратить эту затянувшуюся смуту, которая раздирает изнутри Золотую Орду. Я занял золотоордынский трон по праву своего рождения, так как веду свой род от непобедимого Чингисхана. Ты правильно сделал, князь, приехав ко мне. Скоро я покончу с Мамаем и вся Золотая Орда окажется под моей властью. – Урус-хан ударил себя кулаком в грудь. – Мамаю и его ставленник Абдуллах – оба безродные выскочки. Скоро я насажу их головы на острия копий. Их жен и наложниц я раздам своим нукерам. Тебя, князь, я вознагражу за то, что ты склонил голову передо мной. Разделавшись с Мамаем, я поверну своих конников на Москву, заставлю князя Дмитрия покориться мне, опустошу его казну. Московское княжество я разделю на уделы и самый богатый из них уступлю тебе, друг мой.

Поблагодарив Урус-хана за милость, Олег вновь отвесил ему поклон. Бурная радость переполнила его сердце, именно на это он и рассчитывал, прибыв к Урус-хану волжским речным путем.

Глава четвертая Владыка Иоанн

В этот же день, благодаря стараниям Дурджахан-хатун, Олег встретился с любимой супругой Урус-хана – персиянкой Гель-Эндам. Это была молодая женщина изумительной красоты с темно-карими миндалевидными глазами, с длинными плавно изогнутыми бровями, с прямым благородным носом и красиво очерченным небольшим ртом. Чтобы попасть в ичкари, женские покои дворца, Олегу пришлось миновать целый лабиринт из комнат и внутренних двориков, пройти мимо двойной стражи через обитые медью двери с маленькими зарешеченными оконцами.

Ханский дворец в Сарае представлял собой несколько обширных строений из глиняных кирпичей, прилепившихся друг к другу вроде пчелиных сот. Изначальный дворцовый комплекс, построенный ханом Узбеком, имел четкий план и стройные архитектурные пропорции, выдержанные в стиле хорезмийских и хорасанских зодчих. Внутри и снаружи дворец Узбека был украшен голубыми и желтыми поливными плитками, выложенными в виде геометрических узоров. Высокая кровля дворца блистала медью, напоминая купол мечети. Дворец был одноэтажный, но его стены были так высоки, что он смотрелся со стороны как трехъярусное здание.

При сыновьях Узбека, Джанибеке и Бердибеке, к дворцу были сделаны пристройки с восточной и западной сторон, это было вызвано резким увеличением числа слуг и стражи, а также необходимостью в расширении дворцовых кладовых и амбаров. Свою лепту в строительство дополнительных дворцовых помещений и внутренних переходов внесли также Кильдибек, сын Джанибека, и Хызр-оглан, дядя Урус-хана. Оба недолго правили в Сарае, не имея достаточных военных сил, чтобы противостоять своим более могущественным соперникам. Из-за хаотичного дополнительного строительства дворец Узбека утратил свой первоначальный прекрасный облик, превратившись в мрачное и безвкусное нагромождение из глинобитных стен и кровель, над которыми господствовал большой медный купол центрального главного чертога.

Гель-Эндам была не только красива, она оказалась еще и интересной собеседницей. Узнав, что Олег неплохо говорит по-персидски, Гель-Эндам спровадила прочь свою служанку-татарку, которая владела русским языком. Олег не мог себе и представить, что его познания в персидском языке вдруг сослужат ему такую добрую службу. Оказалось, что Гель-Эндам знает арабскую и персидскую грамоту. Слушая, как Гель-Эндам по памяти читает стихи Омара Хайяма, Рудаки и Фирдоуси, Олегу стало досадно и горько на душе оттого, что такая красивая и глубоко чувствующая женщина досталась в жены грубому и примитивному человеку, каким является Урус-хан.

Статный, крепко сложенный, светловолосый рязанский князь произвел приятное впечатление на Гель-Эндам своими познаниями в татарском и персидском языках, знанием стихов Хафиза и мудрых изречений Саади.

Расспросив Олега о его умершей жене-татарке и о его нынешней супруге Евфросинье, дочери Ольгерда, Гель-Эндам пожелала узнать, надолго ли рязанский князь приехал в Сарай. Прекрасная персиянка не скрывала того, что ей хочется еще раз повидаться с Олегом.

– Скоро Урус-хан выступит в поход на Мамай, тогда я смогу выходить за стены дворца, который для меня хуже темницы, – сказала Гель-Эндам, протянув руку Олегу и глядя ему в глаза. – Мы сможем встречаться, князь, не в этих ужасных стенах, а где-нибудь за городом... Мы сможем оставаться наедине столько времени, сколько захотим.

Олег, взволнованный взглядом и прикосновением руки прекрасной Гель-Эндам, признался ей, что он собирался в обратный путь на Русь через два-три дня, но теперь ему совсем

не хочется уезжать так скоро из Сарая. Олег сказал, что он, пожалуй, дождетя в Сарае победоносного возвращения Урус-хана из похода. Ведь Урус-хан уверен, что поход против Мамая не будет долгим.

– Да, мой муж полон решимости на этот раз окончательно уничтожить Мамаю и его войско, – сказала Гель-Эндам. – Он даже пригласил в Сарай поэтов из Ургенча и Бухары, которым надлежит сочинить поэму о его победе над Мамаем. Урус-хан собирается устроить состязание между поэтами и одарить щедрой наградой того из них, чья поэма окажется наиболее талантливой.

– Кто же удостоится чести выносить такое решение? – спросил Олег. – Сам Урус-хан?

– Главным судьей на этом поэтическом состязании буду я, – горделиво улыбнулась Гель-Эндам. И тут же негромко добавила: – А своим помошником в этом деле я назначаю тебя, князь. По облику ты – воин, но в душе – поэт. Я это поняла, услышав, с каким вдохновением ты читаешь изумительные газели и бейты знаменитого Хафиза.

«Газель» в переводе с арабского означает любовное стихотворение. Бейтом персы и арабы называют двустишия с одинаковым количеством слогов.

* * *

Несмотря на то, что при хане Узбеке ислам был объявлен официальной религией Золотой Орды, в Сарае проживало немало людей, верующих во Христа. Среди местных христиан подавляющее большинство составляли русские невольники, а также купцы с Руси и из Европы, каждый год в летнюю пору приезжавшие в Сарай по торговым делам. Среди татар христиан было немного.

Сарайским епископом был владыка Иоанн, человек суровый и прямолинейный. Помимо своих прямых обязанностей чтения проповедей и совершения священных обрядов в храме епископ Иоанн тайком занимался сбором денег для выкупа из татарской неволи рабов-славян. В этом начинании владыке Иоанну оказывал существенную поддержку московский митрополит Алексей, ежегодно отправлявший в Сарай своих гонцов с деньгами под видом странствующих монахов.

Митрополит Алексей был наперсником московского князя Дмитрия, когда тот занял отцовский стол в девятилетнем возрасте. Во многом благодаря покровительству и мудрым советам Алексея князь Дмитрий обрел ловкость и хватку в государственных делах. Ныне митрополит Алексей постарел и одряхлел, однако он по-прежнему является советником возмужавшего московского князя. Несмотря на преклонный возраст, митрополит Алексей не утратил ясности ума.

Олегу была введена тайная деятельность епископа Иоанна. В недалеком прошлом Олег через своих рязанских купцов несколько раз передавал Иоанну серебро для выкупа из татарского рабства русичей, владеющих кузнечным, оружейным и камнерезным мастерством. Таких умельцев в Рязани всегда была нехватка. Находясь на южной окраине Руси, Рязанское княжество постоянно подвергалось набегам разбойных татарских орд. Степняки уводили в неволю в первую очередь девушек и молодых женщин, а также ремесленников. Немало ремесленного люда перебралось с рязанских земель в Московское княжество, в Суздаль и Владимир в поисках спокойной жизни.

Встретился с владыкой Иоанном и Олег, желая потолковать с ним о выкупе из неволи русичей, кто в прошлом был воином или боярским челядинцем. Олегу были нужны дружинники, владеющие татарским языком, знающие татарские обычаи и военные приемы ордынцев. Этих людей Олег собирался использовать не только в стычках с татарами, но и в посольских делах. Олег понимал, что Рязань не настолько сильна, чтобы на равных разговаривать с Ордой. Ему волей-неволей придется хитрить и изворачиваться, дабы расположить к себе оче-

редного золотоордынского хана. Ныне Олег добился милости от Урус-хана, но надолго ли? После победы над Мамаем, если таковая случится, настроение Урус-хана может резко поменяться. К тому же Урус-хан может сложить голову в битве. Кто тогда станет его преемником на троне Золотой Орды?

Встреча Олега с епископом Иоанном произошла в Богородицкой церкви, расположенной в квартале Рабат, где обычно проживают торговцы с Руси. Здесь чуть ли не на каждом шагу были разбросаны постоянные дворы, обнесенные глинобитными изгородями. На окраине Рабата лежало и русское православное кладбище. Татары-мусульмане хоронили своих умерших на другом конце города возле мечети Меджид-аль-Наср.

Отстояв обедню в Богородицком храме рядом с местными прихожанами, среди которых были в основном русские невольники, Олег затем помолился Богоматери о ниспослании удачи Урус-хану в сражении с Мамаем. Епископ Иоанн, услышав молитву рязанского князя, пришел в негодование.

– Не пристало тебе, княже, просить у Владычицы Небесной победы для нечестивого Урус-хана, – сердито промолвил владыка, подступив к Олегу. – Мне ведомо, что ты точишь зуб на московского князя Дмитрия и ради торжества над ним готов лобызать сапоги Урус-хану. Этому выродку в облике человеческом! Дмитрий за всю Русь радеет, стремясь собрать все русские земли в кулак и сокрушить ненавистное татарское иго. Ты же, князь, лишь о своей Рязани печешься, не видя дальше своего носа. Сие мелко и недостойно тебя, славного отпрыска рода Ольговичей!

«От митрополита Алексея докатились до Сарая слухи о моей последней неудачной расправе с московским князем, не иначе, – подумал Олег, нахмутив брови. Он окинул незаметным взглядом высокую широкоплечую фигуру епископа Иоанна в длинной до пола черной ризе, поверх которой на могучей груди священника находился большой серебряный крест, почти скрытый его густой длинной бородой. – Ишь, как зыркает! Ничего не скажешь, верного пса держит в Сарае митрополит Алексей. По всему видать, этот бородач готов в лепешку разбиться, блюдя интересы своих московских покровителей!»

– Чем это моя Рязань хуже Москвы? – проговорил Олег, отходя от иконостаса. – Рязань гораздо древнее Москвы и Владимира. Рязань уже была стольным градом, когда Москва превратилась из боярской усадьбы в княжеское сельцо. Князья рязанские большей доблестью себя покрыли в сечах с татарами по сравнению с московскими князьями, которые прославились своим заискиванием перед ордынцами и подлыми кознями против соседних князей. Всем ведомо, каким стяжателем и двурушником был Иван Калита, каким негодяем был его брат Юрий, погубивший руками татар тверского князя Михаила Ярославича и убивший плененного рязанского князя Константина Романовича. Что ты скажешь на это, владыка?

Олег поднял глаза на могучего епископа Иоанна, который был выше его на целую голову благодаря камилавке из черного бархата – цилиндрическому головному убору с плоским верхом и ниспадающей сзади на плечи и спину наметке – куску темной ткани, прикрепленному к верхней части камилавки.

– Не стану отрицать, княже, – сказал епископ Иоанн с печальным вздохом, – немало недостойных поступков было совершено Иваном Калитой и его братом Юрием. Скажу лишь, что Господь наказал их за это преждевременной смертью сыновей и внуков. Из рода Юрия Даниловича никого не осталось. Из потомков Ивана Калиты ныне здравствуют лишь двое – это Дмитрий, князь московский, и его двоюродный брат Владимир, князь серпуховской. Эти два птенца из Калитина гнезда покуда не запятнали себя неправедными делами.

– Ошибаешься, владыка, – тут же возразил Олег. – Иль запомнил ты кое о чем, иль кривишь душой, чего епископу никак не пристало. Хочу напомнить тебе о том, как Дмитрий пригласил к себе в Москву тверского князя Михаила Александровича якобы для того, чтобы

урядиться с ним о мире в присутствии митрополита Алексея. Князь Михаил приехал в Москву, поверив клятвенному заверению митрополита в своей неприкосновенности, и за свою несговорчивость на переговорах с Дмитрием угодил в темницу вместе со своей свитой. Хорошо в ту пору в Москве оказались Мамаевы послы, которые вступились за тверского князя. Испугавшись их угроз, Дмитрий выпустил из поруба Михаила Александровича и его бояр. Случилось это пять лет тому назад, когда Дмитрию было восемнадцать лет. – Олег криво усмехнулся, заметив тень неловкого смущения на лице сарайского владыки. – Вот и выходит, отец мой, что всяк кулик свое болото хвалит. Ты утверждаешь, что князь Дмитрий объят благими помыслами, желая избавить Русь от ордынского ига. Так и тверской князь того же желает, чем же он хуже Дмитрия? А то, что Михаил Александрович точит меч на Дмитрия, так его можно понять: надолго ему запомнилось московское «гостеприимство».

– Коль вспоминать все межкняжеские склоки и обиды, то эдак далеко зайти можно, аж до времен Всеволода Большое Гнездо, – проговорил епископ Иоанн. – Но к чему все это ворошить? Пора бы забыть отцовские и дедовские распри ради единой великой цели – свержения ига татарского.

– Ежели Дмитрий желает сплотить вокруг Москвы всех русских князей, то ему следует разговаривать с соседними великими князьями как с равными, не задирая нос перед ними, – промолвил Олег. – Что и говорить, Московское княжество ныне сильно как никогда. Однако же Тверь и Рязань тоже не кочки болотные. Пора бы Дмитрию это уразуметь.

На укору владыки Иоанна, мол, зачем рязанский князь приехал в Сарай набиваться в данники к Урус-хану, если у него есть возможность вообще не платить дань в Орду, Олег заметил, что ведь и Дмитрий с недавних пор шлет дань Мамаю.

– Дмитрий водит Мамаю за нос, княже, – возразил на это Иоанн. – Разве можно называть данью те подачки, которыми тешит Мамаю московский князь. Тем самым Дмитрий задабривает Мамаю, дабы тот не мешал ему заниматься насущными делами...

– О насущных делах Дмитрия мне хорошо известно, – язвительно произнес Олег. – Сначала Дмитрий отправил свои полки в поход на Тверь, потом он принудил новгородцев заключить с ним союз против литовцев и тверского князя, затем по приказу Дмитрия московская рать опустошила рязанские земли. И вот, уже этим летом Дмитрий успел успешно повоевать с Ольгердом под Любутском. Куда же в ближайшем будущем направит Дмитрий свое войско, снова на Тверь или опять против Рязани?

Епископ Иоанн завел речь о том, что он готов замолвить слово за Олега перед Дмитрием и митрополитом Алексеем. Только пусть и Олег проявит миролюбие и впредь не тревожит Московское княжество наскаками своей рати, не требует у Дмитрия вернуть ему Лопасню.

Олег сказал владыке Иоанну, что он будет только рад его посредничеству в затянувшейся распре между Москвой и Рязанью из-за Лопасни. Сам же про себя подумал: «Мне бы урядиться с Дмитрием о мире хотя бы на год, чтобы собраться с силами. А там увидим, чей черед садиться наперед! Будет и на моей улице праздник!»

Уже расставаясь с епископом Иоанном, Олег обратился к нему с просьбой подыскать среди русских невольников людей, знакомых с ратным делом, и поспособствовать их выкупу из рабства. Деньги на это дело Олег пообещал передать епископу через своего верного человека. Владыка Иоанн заверил Олега, что он исполнит его просьбу уже в ближайшие дни, мол, у него имеются на примете среди русских невольников и бывшие gridsни, и даже боярские сыновья. «Дело сие богоугодное, князь, – сказал Иоанн. – Вызволяя христиан из тяжкой неволи, тем самым ты заслуживаешь от Господа прощение за свои прегрешения вольные и невольные».

Глава пятая Гель-Эндам

Этот разговор произошел между Олегом и боярином Брусило спустя пять дней после ухода Урус-хана в поход на Мамай. Олег собирался в ханский дворец на очередную встречу с персиянкой Гель-Эндам, когда в его покои заглянул Брусило.

– Неразумно ты поступаешь, княже. Ох, неразумно! – с досадливым вздохом обронил боярин, плотно притворив дверь. – Урус-хану вряд ли понравится то, что ты в его отсутствие каждодневно навещаешь любимой его супруге. Злые языки молчать не будут, князь. Вернется Урус-хан из похода и обрушит на тебя свой гнев. Не играл бы ты с огнем, княже!

Олег, облаченный в желтый половецкий кафтан с длинными рукавами и круглым воротом, расшитый на груди и плечах голубыми узорами в виде цветов и листьев, примерял перед бронзовым зеркалом то одну, то другую татарскую шапку. Ему приглянулась круглая тафья из голубой парчи. Примерив ее и так и эдак, Олег с удовлетворенным видом повернулся к Брусило, который примостился на скамье у стены.

Поймав на себе нахмуренный взгляд своего верного советника, Олег весь как-то поник и опустил руки.

– Конечно, ты прав, боярин, – промолвил князь, потупив очи. – Мне надлежит держаться подальше от этой красивой персияночки, дабы не прогневить Урус-хана. Ему непременно нашепчут о моих частых встречах с Гель-Эндам, любопытных глаз и ушей во дворце хватает. – Олег уселся на скамью рядом с Брусило и тяжело вздохнул. – Умом я все понимаю, но сердцу своему приказать не могу. Тянет меня к этой персиянке, ибо когда я с нею рядом, душа моя купается в тепле. Ни с одной женщиной мне не было так хорошо, как с Гель-Эндам.

– Неужто у вас дошло уже до постели, княже? – с беспокойством прошептал Брусило.

– Не тревожься, боярин, – сказал Олег, – до этого у нас с Гель-Эндам покуда не дошло. Ты пойми, эта персиянка пленила меня не столько своей красотой, сколько умом и одухотворенностью. Я чувствую все ее мысли и переживания, а она чувствует мое настроение, часто понимая меня без слов. Гель-Эндам дивная женщина! – Олег улыбнулся и восхищенно добавил: – Я-то думал, что таких женщин нет на свете, но, оказывается, есть.

– Сдурел ты, княже, вот что я тебе скажу, – проворчал Брусило тем же негромким голосом. – Пооблизывался на эту смазливую персиянку, и будет, пора и честь знать! Не ходи к ней больше! Послушай моего совета.

Однако Олег пропустил мимо ушей предостережения Брусило. В последние дни он жил тем счастьем, какое испытывал при встречах с Гель-Эндам. Олег встречался с красавицей персиянкой то в стенах дворца, то за его пределами, когда Гель-Эндам выезжала за город на конную прогулку.

– Помнишь мою первую жену-татарку, боярин? – молвил Олег, обняв Брусило за плечи. – Айкен была покладиста и недурна внешне, несмотря на раскосые глаза. Айкен и на ложе была хороша, скажу честно. А все же душа в душу я с ней не жил. Даже не знаю, любил ли я Айкен по-настоящему. Став моей женой, Айкен приняла веру христианскую, русский язык выучила, платья славянские носила, угождала мне во всем... Но полного душевного единения я с нею так и не достиг.

– Понять тебя можно, княже, – мягко заметил Брусило. – Ведь Айкен рожала тебе лишь дочерей, а ты ждал от нее сына-наследника.

– Нет, боярин, не в этом дело. – Олег прислонился спиной к глинобитной стене, завешанной узорным восточным ковром. – Просто в душе Айкен царила пустота, она же была безграмотна, хоть и являлась ханской дочерью. Мне и поговорить-то с ней было не о чем.

– Разве жена нужна для разговоров? – хмыкнул Брусило. – Жена должна за домом следить, детей рожать, рукодельничать. Грамота жене ни к чему. От грамотных жен одни хлопоты и неприятности. Вот, вторая твоя супруга, княже, не глупа и грамоте обучена, но ведь и с ней ты не живешь душа в душу. А ведь Евфросинья и внешне красива на диво, ничуть не хуже этой персиянки. По-моему, Евфросинья даже лучше, поскольку волосы у нее светлые и кожа блее, да и ростом она выше женки Урус-хановой.

– Ты же знаешь, какой злобный нрав у Евфросиньи, так что ее внешняя прелесть и грамотность тут ни при чем, – сердито проговорил Олег, бросив на Брусило недовольный взгляд. – Недаром говорят, ложка дегтя может испортить бочку меда. Евфросинья пошла со мной под венец по воле своего властного отца. Князь Ольгерд знал, что не люб я Евфросинье, но все же выдал ее за меня, поскольку ему нужна Рязань как союзница против Москвы. Ну и мне такой сильный союзник, как Ольгерд, тоже сгодится. Евфросинья понимает, что в этой политической игре она выступает как разменная монета. Потому-то Евфросинья ненавидит своего отца и злобствует против меня.

– Евфросинья Ольгердовна, конечно, не подарок, – промолвил Брусило, – однако она родила тебе троих сыновей и дочь. А посему, княже, не заслужила она того, чтобы ты греховничал на стороне.

– Я же сказал тебе, боярин, что постельными утехами мы с Гель-Эндам не занимаемся, – повысил голос Олег. Упруго поднявшись со скамьи, он затянул на талии золоченый пояс. – И не гляди на меня с таким осуждением! Не тебе меня судить.

– Откель у тебя, княже, сей дорогой пояс? – заинтересовался Брусило. – Раньше я у тебя сего пояса не видал.

– Это подарок Гель-Эндам, – нехотя ответил Олег.

– Ну, коль эта персиянка тебе такие подарки дарит, княже, то можно не сомневаться, скоро дойдет у вас с ней и до греховных объятий, – произнес Брусило, сокрушенно качая косматой головой. – Гляди, князь, наживешь ты врага в лице Урус-хана! Иль мало тебе забот с враждебным московским князем?

Не желая продолжать этот разговор, Олег бесцеремонно выставил боярина Брусило за дверь.

* * *

Пройдя на женскую половину ханского дворца, Олег встретился с Гель-Эндам во внутреннем дворике. Персиянка сидела на подушках под легким навесом из голубой ткани с золотой бахромой. В трех шагах от нее на длинной низкой скамье восседали две юные служанки, развлекавшие свою госпожу игрой на чанге, персидском струнном музыкальном инструменте, и на двухструнной таджикской лютне-думбраке. Волосы одной из рабынь были черны, как вороново крыло. У другой невольницы косы были золотисто-желтого цвета. Черноволосую служанку звали Санжана. Золотистоволосую звали Фирузэ, что в переводе с персидского означает «бирюза». Так ее прозвали за темно-синие глаза.

Обе эти служанки были хорошо знакомы Олегу, поскольку они постоянно находились возле Гель-Эндам, исполняя все ее прихоти и капризы. Никто из прочих гаремных служанок не мог так угодить Гель-Эндам или же развеять ее плохое настроение, как это получалось у Санжаны и Фирузэ.

При появлении Олега Гель-Эндам махнула рабыням рукой, унизированной браслетами, веля им удалиться. Отвесив Олегу низкий поклон, Фирузэ и Санжана легкими тенями скользнули в низкий дверной проем с закругленным верхом, без стука затворив за собой дверцу, обитую узорными медными полосами. Эта дверь вела в комнаты прислуги. Другая дверь, более широ-

кая и высокая, вела в покои Гель-Эндам. Третья дверь, откуда появился Олег, скрывала за собой проход на мужскую половину дворца.

– Князь, я пригласила тебя сюда по весьма приятному поводу, – сказала Гель-Эндам после обмена приветствиями с Олегом. – Двое из поэтов, приехавших из Хорезма для участия в поэтическом состязании, согласились прочесть для меня свои творения до возвращения моего мужа из похода. Скоро они будут здесь. – Поднявшись с мягких подушек, разложенных на небольшом деревянном возвышении, персиянка приблизилась к Олегу и негромко добавила с лукавой улыбкой: – Нравится ли тебе мой сегодняшний наряд, князь? Не кажусь ли я тебе нескромной в нем?

Гель-Эндам была одета по-домашнему в малиновую атласную безрукавку и светло-зеленые шелковые шаровары, удерживавшиеся на ее крутых бедрах узорным пояском. Из глубокого выреза безрукавки дерзко выглядывали белые полушария ее пышной груди. Голову персиянки венчала круглая шапочка из зеленой парчи, расшитая белыми узорами. Сзади к шапочке была прикреплена полупрозрачная кисея, ниспадавшая на спину Гель-Эндам. К левому нижнему краю шапочки был прикреплен витой шнурок с пушистой кистью на конце. Белоснежная шея знатной персиянки была украшена золотым ожерельем в виде монист с рубиновыми и изумрудными камнями. Ее обнаженные гибкие руки были унизаны золотыми браслетами и кольцами, на некоторых из них тоже переливались драгоценные самоцветы.

Не отрывая своего взора от больших прекрасных очей Гель-Эндам, Олег чуть слышно произнес:

– Любой твой наряд тебе к лицу, о несравненная. Даже если ты предстанешь предо мной лишь с пояском на талии, босая и простоволосая, то и в таком наряде ты будешь неотразима, как сама Красота.

– О! – слегка зардевшись, прошептала Гель-Эндам, легонько наступив Олегу на ногу. – Похоже, князь, ты сейчас выдал свое сокровенное желание.

– Что толку в молчании, о божественная, – тихо промолвил Олег, – коль мои глаза все равно выдают меня. Разве не так?

– Так, – кивнула Гель-Эндам, отходя от Олега с видом озорного кокетства. Она и не скрывала того, как ей приятно сознавать, что этот сорокалетний русский князь пребывает во власти ее чар.

Гель-Эндам было двадцать пять лет. До встречи с Олегом она ни разу не испытывала сколько-нибудь сильного чувства к мужчине. До двадцати лет Гель-Эндам жила затворницей в доме отца, потом ее родитель умер. Отцовская родня отвезла Гель-Эндам из ее родного города Герата в Сыгнак, продав в гарем Урус-хана. Красота и чувственность Гель-Эндам пленили Урус-хана, ее образованность также произвела на него сильное впечатление. В отличие от Гель-Эндам Урус-хан не умел ни читать, ни писать. За пять лет супружеской жизни Гель-Эндам обрела стойкую неприязнь к Урус-хану, который был груб и неотесан, как мужлан, несмотря на свое ханское происхождение.

Близко познакомившись с Олегом, Гель-Эндам впервые в жизни почувствовала неукротимое сердечное волнение, не дававшее ей спать по ночам. В ней пробуждался сладостный трепет от устремленных на нее глаз Олега, от прикосновений его рук, когда они оставались наедине.

До встречи с Олегом ни с одним из мужчин Гель-Эндам не было так легко и хорошо. Порой Гель-Эндам овладевало сильнейшее желание поцеловать Олега или упасть к нему на грудь. Если при первой встрече с рязанским князем Гель-Эндам была в роскошном платье с широким подолом и длинными рукавами, укутанная золототканым покрывалом, то при каждой последующей встрече с Олегом Гель-Эндам позволяла себе наряжаться в такие одежды, которые могли бы выгодно подчеркнуть прелестные формы ее фигуры.

И вот сегодня Гель-Эндам осмелилась предстать перед Олегом в безрукавом кожухе с полуобнаженной грудью и в легких шароварах с небольшими овальными разрезами на бедрах. Охваченная любовным томлением Гель-Эндам поступала довольно безрассудно, не давая себе отчета в этом. Она даже не догадывалась, что ее безрассудство и желание понравиться Олегу бросаются в глаза ее прислуге. «Любовь к русскому князю лишает нашу госпожу разума! – шептались служанки между собой. – При Олеге наша госпожа забывает, что она замужняя женщина!»

Олег с любопытством разглядывал двух поэтов, которых Гель-Эндам принимала в этом же внутреннем дворике. Оба поэта были довольно молоды, не старше тридцати лет. Оба были одеты изысканно, даже вычурно. Одного из поэтов звали Кашафеддин, но Гель-Эндам называла его по-приятельски Кашаем, явно благоволя ему.

Кашафеддин был высок и строен, как кипарис. У него были густые вьющиеся волосы, черные, как антрацит. Его безбородое лицо с тонкими темными усиками сияло благородной красотой. На нем был чапан из узорчатого шелка, повязанный оранжевым кушаком. Из широких рукавов чапана выглядывали белые облегающие рукава тонкой нижней рубашки. На ногах у красавца Кашафеддина были сафьянные башмаки-чуваки. Круглая оранжевая шапочка на голове Кашафеддина была украшена жемчужными нитями, его тонкие пальцы были унизаны золотыми кольцами.

Другого поэта звали Хайбуллой. Он был невысок ростом и плотного телосложения. В отличие от белолицего Кашафеддина Хайбулла был смугл, у него был нос с горбинкой и маленькая бородка клинышком. Свои смоляные усы щеголь Хайбулла завивал горячими щипцами, поэтому их длинные кончики торчали по краям его рта, как рога буйвола. Хайбулла был облачен в синий бекасамовый чекмень, расшитый золотыми нитками по вороту, на груди и на обшлагах рукавов. Из-под чекменя выглядывали его светло-желтые шаровары, заправленные в короткие сапоги с загнутыми носками. Коротко подстриженную квадратную голову Хайбуллы венчала тюбетейка из плотной голубой ткани, расшитая разноцветными звездами.

Оба поэта держали в руках свернутые в трубку длинные бумажные листы, на которых были записаны их стихотворные оды в честь Урус-хана.

Гель-Эндам представила поэтам рязанского князя, пояснив при этом, что Олег не хуже нее разбирается в восточной поэзии и свободно разговаривает на персидском языке. «А посему, друзья мои, вам надлежит произвести благоприятное впечатление своим творчеством не только на меня, но и на князя Олега», – с обворожительной улыбкой добавила Гель-Эндам.

Поэты подбросили монету, чтобы выяснить, кому из них приступить к чтению первым. Жребий выпал красавцу Кашафеддину.

Гель-Эндам и Олег сидели на подушках под полотняным навесом, рядом с ними пристроился на скамье крепыш Хайбулла. Кашафеддин вышел на озаренное солнцем место посреди двора и, приняв горделивую позу, стал громко и нараспев читать свою поэму.

По жанровой окраске поэма Кашафеддина представляла собой касыду, то есть огромный стих, состоящий из бейтов на одну рифму и разделенный на три смысловые главы. В первой части Кашафеддин кратко коснулся молодости Урус-хана, его первых военных походов под началом его отца хана Чимтая. Во второй части Кашафеддин красочно описал восшествие Урус-хана на трон Синей Орды и его женитьбу на прекрасной Гель-Эндам. Третья часть касыды Кашафеддина была полностью посвящена восхвалению Гель-Эндам и пламенной любви к ней Урус-хана, который, отправляясь в поход на Золотую Орду, взял дивную персиянку с собой, поскольку не мог выносить долгую разлуку с ней.

Олегу очень понравился стиль и слог Кашафеддина, который обладал несомненным талантом к стихосложению. Все смысловые ударения в касыде Кашафеддина были выстроены с поразительной стройностью, радуя слух красотой рифмованных стоп. У поэмы Кашафеддина имелся всего один изъян – образ красавицы Гель-Эндам заслонял в ней фигуру Урус-хана.

Видимо, Кашафеддин был тайно влюблен в Гель-Эндам. А может, он таким образом старался расположить к себе супругу Урус-хана, зная, что именно от нее будет зависеть, кому достанется победа в поэтическом состязании.

Гель-Эндам с благосклонной улыбкой на устах похвалила Кашафеддина, когда тот дочитал до конца свою касыду. «Я и раньше была высокого мнения о себе, но после твоих стихотворных восхвалений моей красоты, Кашай, у меня просто закружилась голова!» – сказала персиянка.

Кашафеддин отвесил поклон Гель-Эндам и отошел в сторонку, уступив место Хайбулле.

Голос у Хайбуллы был не такой сильный, как у Кашафеддина, поэтому он расположился поближе к Гель-Эндам и Олегу. Читая свою оду, Хайбулла заметно волновался, отчего на его лице выступили красные пятна.

Поэма Хайбуллы была выстроена в жанре масневи, в котором героические мотивы преобладают над лирическо-романтическими темами. Масневи в переводе с арабского означает «сдвоенный». Основой масневи является двустишие-бейт со смежной рифмой. Поэма-масневи выстраивается из множества двустиший, каждое из которых имеет свою рифму. Для восхваления ханов и полководцев жанр масневи имеет явные преимущества над касыдой. Недаром знаменитая поэма Фирдоуси «Шах-наме» была написана в стиле масневи.

Подражая Фирдоуси, Хайбулла изобразил Урус-хана в своей поэме эдаким непобедимым воителем, схожим с легендарным витязем Рустамом. Вся хвалебная ода Хайбуллы состояла из описаний походов и сражений Урус-хана. Завершающим эпизодом поэмы было описание разгрома Мамаевых войск храбрыми туменами Урус-хана.

Поэма Хайбуллы была гораздо длиннее касыды Кашафеддина, и по своему смысловому содержанию она имела явное преимущество, так как личность Урус-хана занимала в ней центральное место.

Олег по глазам Гель-Эндам понял, что поэма Кашафеддина ей больше понравилась, но первенство в этом творческом состязании она все же оставляет за Хайбуллой, отдавая должное его поэтическому мастерству. Все-таки темой для поэм было прославление непобедимого Урус-хана. Олег тоже высказался в поддержку Хайбуллы, когда Гель-Эндам пожелала узнать его мнение.

Хайбулла расплылся в самодовольной улыбке, когда Гель-Эндам вручила ему, как победителю, прекрасное перо из хвоста павлина.

– Это еще не окончательная победа, друг мой, ведь настоящее поэтическое состязание впереди, когда Урус-хан вернется из похода и когда все приехавшие в Сарай поэты представят свои творения, – сказала Гель-Эндам Хайбулле. – Однако твой сегодняшний успех говорит о том, что ты славно потрудились над своей поэмой и станешь серьезным соперником для остальных поэтов, которые еще не закончили свои оды.

Кашафеддин не смог скрыть своего огорчения тем, что Гель-Эндам отдала первенство в этом споре не ему, а Хайбулле. Схватив со скамьи лютню-думбрак, Кашафеддин заявил, что помимо касыды он сочинил еще песню в честь Урус-хана.

– Прекрасная госпожа, позволь мне исполнить эту песню здесь и сейчас, – умоляюще промолвил Кашафеддин.

Гель-Эндам милостиво кивнула ему.

Усевшись на скамью, Кашафеддин чистым протяжным голосом запел песню о быстром соколе, который, летая высоко в небесах, стремительно настигает уток и чирков, подобный молнии. Угодив в силки охотника, гордый сокол стал жить в юрте Урус-хана, который любил выезжать с ним на утиную охоту. Стремительный полет сокола, разящие удары его клюва и когтей вдохновили Урус-хана на военные подвиги. С молодых лет наблюдая за быстрокрылым соколом, Урус-хан стал таким же неудержимым и непобедимым воителем.

Песня Кашафеддина была прервана самым неожиданным образом. Во внутренний дворик стремительно вбежал дворецкий Байсункур, смуглолицый и рыжебородый. На его одутловатом лице с темными выпуклыми глазами было выражение смятенной растерянности. Длинный полосатый халат на дворецком был испачкан в пыли. Судя по всему, он где-то споткнулся и упал, когда бежал сюда.

– Только что прибыл гонец, госпожа, – задыхаясь, выкрикнул Байсункур. От волнения он даже не поклонился Гель-Эндам. – Гонец привез ужасные вести! Урус-хан разбит Мамаем!

Гель-Эндам стремительно вскочила с подушек.

– Жив ли Урус-хан? – побледнев, спросила она.

– Неизвестно, госпожа, – ответил дворецкий, утирая пот со лба и поправляя чалму на своей голове.

– Кто же послал вестника в Сарай? Разве не мой муж? – вновь спросила Гель-Эндам.

– Гонца прислал Кутлуг-Буга, – проговорил Байсункур. – Все войско Урус-хана рассеяно по степям, многие военачальники убиты или угодили в плен. Кутлуг-Буга сам чудом ушел от опасности, воины Мамаю гнались за ним по пятам.

Кутлуг-Буга являлся старшим сыном Урус-хана. Он был рожден Урус-хану его первой женой, которой ныне уже не было в живых.

– Гонец поведал также, что Кутлуг-Буга не собирается оборонять Сарай от Мамаю, – продолжил Байсункур. – Кутлуг-Буга намерен собрать рассеявшиеся тумены своего отца и идти за реку Яик, чтобы занять ханский трон в Сыгнаке.

– Что же нам тогда делать? – промолвила Гель-Эндам, побледнев еще больше.

– Госпожа, всем нам нужно как можно скорее покинуть Сарай и догнать отряды Кутлуг-Буги возле переправы через Яик, – сказал Байсункур. – Я уже отдал распоряжения слугам и конюхам собираться в дорогу. Госпожа, тебе и твоим служанкам тоже надо спешно укладывать вещи в сундуки и походные сумы. Конница Мамаю уже мчится к Сараю! Коль мы промешкаем, то угодим в лапы к Мамаю! – Дворецкий взглянул на Олега и добавил: – Князь, тебе тоже лучше поскорее уйти из Сарая. Мамаю не пощадит тебя, когда узнает, что ты хотел заручиться дружбой Урус-хана.

Олег без промедления покинул ханский дворец, даже толком не попрощавшись с Гель-Эндам. Известие о поражении Урус-хана ввергло его в некоторую оторопь. Рязанский князь чувствовал себя игроком, ставка которого оказалась битой. А ведь с этой ставкой Олег связывал большие надежды для укрепления своего княжества.

Слух о том, что Урус-хан разбит Мамаем, стремительно разлетелся по всему Сараю. Огромный город загудел, как растревоженный улей. Богатые горожане и приезжие купцы торопились убраться из Сарая куда подальше. Улицы Гулистана были забиты крытыми повозками, в которых сидели женщины и дети, мулами и верблюдами, груженными кладью, мужчинами в дорожной одежде, сидящими верхом на конях. Проталкиваясь сквозь эту толчею, Олег и двое его слуг с немалым трудом добрались до дома эмира Бухтормы.

Увидев во дворе дома две повозки и вьючных лошадей, Олег мигом смекнул, что Бухторма и его домочадцы тоже собрались покинуть Сарай.

– Что станем делать, княже? – проговорил боярин Брусило, едва увидев Олега. – Бухторма и его семья собрались ноги уносить из Сарая.

– Пора и нам отчаливать отсель, боярин, – сказал Олег. – И поживее, а иначе без голов останемся! По слухам, Мамаю уже близко.

Олеговы челядинцы торопливо толкали в мешки и сундуки съестные припасы и пожитки, бегая по комнатам и топая сапогами. На первом этаже дома также стоял шум от мечущихся слуг и сердитых окриков Бухтормы, его жен и нукеров.

Переодеваясь из нарядной одежды в дорожную, Олег слышал у себя за спиной ворчанье боярина Громобоя:

– Вот за каким хреном мы притащились сюда, а? Кланялись в пояс Урус-хану, роздали кучу даров ему и приближенным его – и все напрасно! Где теперь Урус-хан? Его поди и в живых-то уже нету. Как теперь перед Мамаем оправдываться будем? Мамай все едино проведает о том, что послы из Рязани побывали у злейшего недруга его. Ведь говорил я, что не следует ехать в Орду, покуда не станет ясно, кто здесь окончательно возьмет верх, Урус-хан или Мамай.

– Не зуди над ухом, боярин! – бросил Громобоем Олег, застегивая плащ у себя на левом плече. – Авось уцелел в сече Урус-хан. Мамай сегодня победитель, а завтра он небось побежит от Урус-хана без оглядки, ведь такое уже бывало.

– С «авосем» и «небосем» удачу за хвост не поймаешь, княже, – не унимался Громобой. – В политике, как и на войне, рассчитывать нужно на то, что есть сейчас, и не тешить себя грядущими счастливыми переменами, кои могут и не наступить.

Одного из своих гридней Олег отвел в сторону и повелел ему остаться в Сарае. Этого дружинника звали Тихомилом. Он был ловкий малый, прекрасно владеющий любым оружием, бегло говоривший на нескольких языках, в том числе и на татарском.

– Пробудешь в Сарае до осени, проследишь, чем вся эта заваруха закончится, – молвил Олег Тихомилу. – Не верю я в то, что Мамай надолго утвердится в Сарае. Он ведь не ханских кровей. Кроме того, передашь это серебро владыке Иоанну. – Олег вручил дружиннику небольшой кожаный мешочек, туго набитый серебряными монетами. – Владыка обещал мне похлопотать о выкупе на волю кое-кого из русских рабов. Ты уж постарайся, друже, доставить в Рязань этих выкупленных на свободу невольников живыми и здоровыми. Ну и сам, конечно же, должен вернуться ко мне целым и невредимым! Ибо заменить мне тебя некем. Уразумел? – Олег погрозил гридню пальцем.

– Уразумел, княже, – промолвил Тихомил с еле заметной добродушной ухмылкой. Ему уже доводилось в прошлом выполнять трудные и опаснейшие поручения своего князя, рискуя головой.

Солнце было еще высоко в безоблачном небе, когда четыре крутобокие рязанские ладьи отчалили от пристани Сарая. Гребцы налегали на весла, преодолевая сильное течение широкой могучей реки.

Вместе с рязанскими ладьями отправились в путь и многие другие суда: одни шли быстро и ходко вниз по течению к дельте Волги, другие тянулись медленными вереницами против течения, двигаясь к верховьям Волги.

Глава шестая

Боярин Клыч

Отправляясь в Сарай, Олег оставил Рязань на попечение своей супруги Евфросиньи Ольгердовны, дабы потешить ее властолюбие. Главным советником при княгине был назначен Олегом же боярин Клыч Савельич, дотошность и сварливость которого давно стали притчей во языцех. Никто из рязанских бояр не осмеливался с таким упрямством доказывать свою правоту в спорах с Олегом, как это постоянно делал Клыч Савельич. Со стороны могло показаться, что между Олегом и Клычом Савельичем не затихает некая подспудная вражда, что эти двое давно и сильно недолюбливают друг друга. Однако эта видимость была обманчивой. На самом деле Олег полностью доверял Клычу Савельичу, зная, что этот человек не способен на подлость и предательство.

Вернувшись в Рязань из Сарая, Олег обнаружил, что его властная супруга уехала в Литву, забрав с собой трехлетнюю дочь Анастасию.

– Евфросинья хотела было забрать с собой и княжича Федора, но я не позволил ей этого, – молвил Олегу боярин Клыч, отчитываясь перед ним за все, что случилось в Рязани в его отсутствие. – Также не разрешил я Евфросинье руку в казну запустить. Евфросинья намеревалась одарить отца и братьев подарками дорогими, но я сказал ей, мол, муж ее и так изрядно потрагился, меча бисер перед ордынскими свиньями, поэтому лишних денег в казне нету. Не обеднеет Ольгерд и без наших подарков.

– Представляю, как обиделась на тебя Евфросинья, – усмехнулся Олег, оглядывая свои теремные покои, которые показались ему низкими и тесными после просторных чертогов ханского дворца в Сараяе.

Олег переходил из светлицы в светлицу, нагибая голову в невысоких дверных проемах. Клыч Савельич, не отставая, шел за ним. Их беседа происходила на ходу.

– Супруга твоя, княже, обругала меня разными срамными словами, повторить кои у меня язык не повернется, – с невозмутимым видом молвил Клыч Савельич. – Впрочем, ничего иного я от Евфросиньи не ожидал, поэтому ничуть не удивился такому ее поведению.

Задержавшись перед деревянными ступенями, ведущими на второй ярус терема, Олег обернулся к Клычу Савельичу и спросил:

– А чего это Евфросинья вдруг сорвалась с места и в Литву укатила? С чего это вдруг?

– После того, как Ольгерд и московский князь заключили перемирие под Любутском, литовская рать отошла к реке Угре и встала там станом, – ответил Клыч Савельич. – Ольгерд созвал на Угру русских князей из верхнеокских городов, желая прощупать их настроение. Кто-то из них не пожелал воевать с Москвой на стороне Литвы. Это и озаботило старика Ольгерда. Литовский гонец приезжал и в Рязань. Поскольку тебя, княже, дома не было, я дал литовскому гонцу от ворот поворот. Евфросинья же вдруг заявила, что она желает повидаться с отцом и братьями, живо собралась в дорогу и уехала, взяв с собой дочь.

На Угре литовское войско простояло две недели. Потом Ольгерд ушел в Смоленск, а оттуда к себе в Литву. С Угры Евфросинья прислала вестника с известием, что отправится в Вильно вместе с отцом.

– Надолго ли Евфросинья отправилась в Вильно? – опять спросил Олег, поднимаясь в верхние покои по скрипучим буковым ступеням.

– Об этом Евфросинья меня не известила, княже, – сказал Клыч Савельич, шествуя по лестнице вслед за Олегом.

Для обсуждения самых насущных забот Олег, по своему обыкновению, собрал на совет своих ближних бояр. Прежде всего, Олег поведал своим старшим дружинникам о разгроме Урус-хана Мамаем.

– Что теперь делать, бояре? Ехать ли мне на поклон к Мамаю? – сказал Олег. – Жду вашего совета.

Бородатые степенные мужи в длинных одеяниях обеспокоенно заерзали на скамьях, переговариваясь между собой негромкими тревожными голосами.

– Кто желает высказаться первым? – громко спросил Олег, восседавший на дубовом троне с резными подлокотниками в виде бегущих пардусов.

Князь был облачен в красный кафтан и красную парчовую шапку с опушкой из меха выдры. На ногах у него были красные сапоги.

Багряные лучи вечерней зари, проливаясь в просторное помещение через высокие узкие окна, ложились зловещими темно-рубиновыми отсветами на деревянный пол и на бревенчатые стены гридницы. Боевые топоры, мечи, щиты и секиры, развешанные на одной из стен, в лучах закатного солнца переливались металлическим блеском.

Первым, как всегда, заговорил Клыч Савельич.

– Вся эта затея с поездкой к Урус-хану мне с самого начала была не по душе. Присутствующие здесь бояре не дадут мне солгать. – Клыч Савельич, поднявшись со своего места, плавным жестом руки обвел всех княжеских советников. – Мои здравые доводы, помнится, потонули в угодливых речах тех бояр, кто, не имея своего мнения, готов всегда и во всем поддакивать нашему князю. Меня постоянно обвиняют в том, что я все время предрекаю беду, что своим карканьем я то и дело притягиваю различные напасти на Рязанское княжество. Но ведь кроме предсказаний худшего я также даю советы, как избежать той или иной беды. Неужели так трудно внять здравому совету?

Клыч Савельич умолк и взглянул на князя. Обратились на князя взоры и всех остальных бояр.

– Каков же твой совет будет на сей раз? – хмуря брови, проговорил Олег, встретившись взглядом с боярином Клычем. – Признаю свое недомыслие, друже. Не следовало мне ездить к Урус-хану.

– Твое недомыслие дороговато обошлось казне нашей, княже, – ворчливо обронил Клыч Савельич.

– Ты молви по делу, не томи душу! – резко вымолвил Олег. – Иль ты ждешь, чтоб я на коленях пред тобой ползал!

– Совет мой такой, княже, – промолвил Клыч Савельич, пригладив свою русую бороду. – К Мамаю не езд, милости от него тебе уже не дожждаться. Лучше отправь послов к московскому князю и заключи с ним прочный союз против татар. За Дмитрием Ивановичем ныне сила великая! Ни суздальский, ни тверской великие князья тягаться с ним не могут. Тесть твой Ольгерд тоже обломал зубы о московские мечи и копья. Опираясь на Москву, окрепнет и Рязань.

– А как же быть с Лопасней? – сердито прищурился Олег. – Неужто присоветуешь окончательно уступить ее московлянам?

– Пусть Дмитрий владеет Лопаснью, то небольшая для нас потеря. – Клыч Савельич небрежно махнул рукой. – Для нас важнее, чтоб московские полки пришли к нам на подмогу в случае татарской напасти. Дмитрию дружественный союз с Рязанью тоже выгоден, ведь наши земли являются щитом для его владений от набегов из Степи.

– Благодарю за совет, боярин, – проговорил Олег, в голосе которого прозвучали нотки уязвленного самолюбия. – Не хватало мне набиваться в союзники к мальчишке Дмитрию! Ценой Лопасни покупать мир с ним!

– Неужто кланяться Урус-хану приятнее, княже? – язвительно усмехнулся Клыч Савельич. – И какую же выгоду ты получил от этого?

Олегу было неприятно и досадно выслушивать упреки Клыча Савельича, но ему пришлось терпеть это, поскольку правота была на стороне боярина.

«Что и говорить, впустую я потратил и время и немалые богатства, съездив в Сарай, – мрачно размышлял Олег наедине с самим собой после окончания совета. – Понадеялся я на могущество Урус-хана, а остался ни с чем. Все верно предсказывал мне боярин Клыч, отговаривая меня от поездки к Урус-хану. Где теперь искать союзников против Москвы? На кого мне опереться в противостоянии с мальчишкой Дмитрием?.. От Ольгерда проку никакого. Муромский князь войны с Москвой страшится пуше огня. Тарусский князь давно уже в рот Дмитрию глядит, спешит к нему с дружиной по первому зову. Мещерский князек в распрях с мордовой увяз, ему не до моих тревог и забот. Что же, остается уповать на поддержку зятя Салахмира, засевшего в Казани удельным правителем. И еще, надо бы покрепче привязать к своему стремени пронского князя Даниила Ярославича. У него ведь сынок уже возмужал, а у меня старшая дочь на выданье! Зашлю-ка я сватов в Пронск!»

Пронском владела младшая ветвь рязанских Ольговичей. Пронские князья пытались обособиться от Рязани еще во времена Батыя, но тогда у них не хватило сил для этого. Рязанские князья хоть и понесли тяжелейший урон от Батыева нашествия, тем не менее им удалось собрать в кулак свое княжество, не допустив его распада на разрозненные уделы. При Иване Коротополе, отце Олега, пронские князья смогли, наконец, обрести независимость от Рязани. А воинственный пронский князь Владимир Ярославич даже стал претендовать на великий рязанский стол. Опираясь на поддержку из Москвы, Владимир Ярославич сумел-таки сесть князем в Рязани после поражения Олега от москвитян в битве при Скорнищеве. Однако торжество Владимира Ярославича было недолгим. Не прошло и трех месяцев, как Олег отбил обратно отцовский трон, пленив Владимира Ярославича. Не желая присягать на верность Олегу, Владимир Ярославич предпочел умереть от голода в темнице.

Смерть Владимира Ярославича сильно ухудшила и без того натянутые отношения между Московской и Рязанью. Олег посадил князем в Пронске покорного ему Даниила Ярославича, родного брата умершего в заточении Владимира Ярославича. Князь Даниил был человеком безвольным и бесталанным, он совершенно не годился ни на великие, ни на малые дела. Московский князь понимал, что Даниил будет во всем послушен воле Олега Ивановича, и не собирался мириться с этим. Дмитрий до поры до времени приютил у себя в Москве сыновей покойного Владимира Ярославича.

Глава седьмая

Евфимия

От первой жены-татарки, умершей до срока, у Олега остались две дочери, ладные и пригожие. Старшую звали Евфимией, младшую – Агриппиной. Сестры хоть и являлись родными по крови, однако внешне сильно отличались одна от другой. Евфимия имела темные волосы и черные слегка раскосые глаза, опущенные длинными изогнутыми ресницами. Она была стройна и гибка, как молодая ракета. В тонких чертах лица Евфимии было больше сходства с отцом-русичем, нежели с матерью-татаркой.

Агриппина была светловолоса и голубоглаза, при этом она сильно смахивала на татарку, благодаря миндалевидному разрезу своих очей, длинным плавно изогнутым бровям пшеничного цвета и заметно выступающим скулам. По сравнению со старшей сестрой, Агриппина была чуть ниже ростом и имела более округлые формы тела.

Отличались сестры и по своему характеру. Евфимия ко всему подходила со спокойной рассудительностью, никогда не повышала голос, не давала волю слезам, не закатывала капризы. Любознательная от природы Евфимия рано выучилась читать и писать не только по-славянски, но и по-гречески. Помимо чтения книг Евфимия также обожала ездить верхом, кататься на лодке по реке и удить рыбу. В Евфимии порой проступало что-то мальчишеское, когда она стреляла в цель из лука или неслась галопом на горячем скакуне с развевающимися волосами.

Агриппина была крайне любопытна, но к знаниям она не тянулась. Лишь к двенадцати годам она с грехом пополам научилась русской грамоте. Причем писала Агриппина корявым почерком и со множеством ошибок, а читала по складам. Будучи более изнеженной и ленивой, Агриппина не умела плавать, кое-как держалась в седле, предпочитая ездить в повозке. Любимыми занятиями Агриппины было объедаться сладостями и красиво наряжаться. Агриппина была очень обидчива и плаксива. Старшую сестру Агриппина недолюбливала, поскольку видела, что та является отцовской любимицей.

Узнав, что отец собирается выдать Евфимию замуж за сына пронского князя, Агриппина несказанно обрадовалась этому известию. Значит, совсем скоро Евфимия уедет насовсем из отцовского терема в Пронск. В отсутствие Евфимии все отцовское внимание достанется ей, Агриппине.

Евфимия же отнеслась к тому неизбежному, что ожидает всякую девушку, без особой радости. Она понимала, что когда-нибудь это событие настанет, и даже мысленно готовилась к этому, представляя себе своего жениха и первую встречу с ним. Евфимии хотелось верить в то, что ее суженым станет умный и мужественный юноша, во многом похожий на ее отца. Узнав, что ей предстоит идти под венец с Владимиром, сыном пронского князя Даниила Ярославича, Евфимия расстроилась. Ей уже доводилось встречаться с княжичем Владимиром, который частенько навещался в Рязань вместе со своим отцом. Владимир был красив и статен, но при этом он был грубоват и примитивен во всех своих суждениях. Во Владимире не наблюдалось ни малейшего проблеска глубокого ума, ни тяги к книжному чтению, ни желания изучать греческий или латынь...

Евфимия намекнула было отцу, что в жены Владимиру более годится Агриппина, мол, у этих двоих так много общего, словно Господь изначально создал их друг для друга.

«Владимир, конечно, увалень и недотепа, это верно, – сказал Олег Иванович своей старшей дочери. – Пожалуй, Грапа была бы Владимиру более под стать. Однако мне нужно, чтобы рядом с Владимиром находилась умная голова, которая не позволит ему наломать дров и предать мои интересы. Вот почему супругой Владимира должна стать ты, Фима. Отец Владимира правитель никудышный, все вокруг это понимают. Когда-нибудь пронским князем станет Владимир. Дабы звезда Владимира взошла высоко и не погасла до срока, во многом будет зависеть

от тебя, Фима. Тебе придется управлять Пронским уделом, ненавязчиво подталкивая Владимира к принятию более продуманных решений. Вот что тебе предстоит в будущем, дочь моя!»

Евфимия сильно любила отца, с ним у нее всегда были самые доверительные отношения, поэтому она была готова на все, дабы выполнить его волю и принести наибольшую пользу Рязанскому княжеству.

Свадьба Владимира и Евфимии состоялась в Пронске в начале осени, когда только-только начала желтеть листва на деревьях.

Даниил Ярославич, свекр Евфимии, всю жизнь ненавидел своих родных братьев, Георгия и Владимира. Первого Даниил Ярославич ненавидел за то, что тот никогда не довольствовался малым, всегда и во всем стремясь добиваться наибольшей выгоды. Второго Даниил Ярославич люто недолюбливал за его смелость и гордыню. Нарушив родовой уклад, Владимир Ярославич отнял пронский стол у Даниила Ярославича, за которым было старшинство. Оба брата Даниила Ярославича, благодаря своим личным качествам, сумели добиться немалых высот в иерархии здешних Ольговичей. Георгий Ярославич утвердился князем в Муроме, по закону не имея на то никаких прав. Муромом владела троюродная родня пронских Ольговичей. Владимир Ярославич и вовсе высоко взлетел, заняв рязанский стол с помощью московской рати.

Когда Георгий Ярославич пал в сражении с мордвой, то никто не радовался так бурно его гибели, как Даниил Ярославич, неизменно завидовавший успехам старшего брата. Еще большую радость у Даниила Ярославича вызвала смерть Владимира Ярославича, так как это позволило ему стать князем в Пронске. У самого Даниила Ярославича не хватило бы ни храбрости, ни ратных сил, чтобы изгнать из Пронска сыновей покойного Владимира Ярославича. В этом ему помог рязанский князь Олег Иванович, заинтересованный в том, чтобы Пронск тяготел не к Москве, а к Рязани.

Сидя князем на пронском столе, трусоватый Даниил Ярославич постоянно оглядывался на Рязань, не смея и шагу ступить без одобрения Олега Ивановича. Сильнее всего Даниил Ярославич опасался своих племянников, нашедших приют у московского князя. Потому-то он с превеликой охотой сочетал законным браком своего старшего сына Владимира с Евфимией, дочерью Олега Ивановича. Этот брак стал для Даниила Ярославича неким залогом того, что Олегова дружина придет к нему на помощь в случае любой вражеской напасти.

* * *

За окнами, забранными стеклянными ячейками в виде пчелиных сот, буйствовал сильный юго-восточный ветер, под напором которого стонали и скрипели могучие дубы, клены и вязы в парке, примыкавшем ко княжеским хоромам. На дворе была глубокая ночь.

Ложница была освещена неярким светом небольшого масляного светильника, заправленного льняным маслом. Одинокий желтоватый язычок пламени то вытягивался кверху, чутко улавливая напористое дыхание ветра, пробивавшееся сквозь щели в оконных рамах, то начинал колыхаться и трепетать, как бабочка, угодившая в паутину. Светильник, слепленный из глины в виде лебедя, стоял на столе, рядом лежала раскрытая книга в кожаном переплете.

У бревенчатой стены стояла широкая кровать на массивных деревянных ножках. Поверх смятого одеяла сидела Евфимия в длинной белой сорочице из тонкой ткани. Ее лицо было задумчиво и печально. Медленными ленивыми движениями она расчесывала костяным гребнем свои распущенные по плечам волосы. В свете масляной лампы обнаженные руки Евфимии казались еще белее на фоне ее густых темно-каштановых волос.

Невеселые думы одолевали Евфимию. Прошло всего восемь дней ее супружеской жизни, а она уже полна самых горьких разочарований. В свои семнадцать лет Евфимия еще плохо разбиралась в людях. Ей казалось, что люди с приятной внешностью непременно должны обладать и прекрасными душевными качествами. До своей свадьбы Евфимия была уверена, что

супружеские узы должны возвышать мужчину и женщину, пробуждать в них порядочность и взаимное уважение. И вот, минула всего одна неделя ее замужества, а Евфимия уже чувствует себя самой несчастной на свете.

Двадцатилетний Владимир, ее суженый, был так прекрасен в своем богатом наряде на свадебном торжестве. С каким достоинством держался Владимир, сидя за пиршественным столом рядом с Евфимией, одетой в белое платье новобрачной. В первую брачную ночь Владимир был необычайно нежен и ласков с Евфимией. Свадебное застолье и ночь после него остались единственным приятным воспоминанием Евфимии о своем замужестве. Потом начался дикий непрекращающийся кошмар.

Едва Олег Иванович и его свита уехали обратно в Рязань, как Владимира словно подменили. Во все последующие дни и ночи Владимир был пьян или сильно навеселе. Шумные застолья в княжеском тереме продолжались, хмельной мед и греческое вино текли на них рекой. По причине свадьбы своего старшего сына, Даниил Ярославич обложил живущих в Пронске купцов особым винным налогом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.